

Вячеслав Штурм



Спящие Дубравы



Спящие Дубравы. Как страшно звучит-то!
А само место, говорят, еще страшнее! Не верите?!
А ведь ни один из тех, кто там был, не вернулся!

Спящие Дубравы

Вячеслав Шторм
Спящие Дубравы

«Автор»

2004

Шторм В.

Спящие Дубравы / В. Шторм — «Автор», 2004 — (Спящие Дубравы)

Люди часто теряют деньги. Чуть реже – совесть. Но однажды случилось так, что потерялся... КОРОЛЬ. И не где-нибудь, а в таинственных Спящих Дубравах, да еще и накануне войны. Что делать? Не отчаиваться, не паниковать, а если плакать – то только от смеха. Внимание! На поиски самой необычной потери отправляется самая необычная команда. И награда не гарантируется...

© Шторм В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава I	5
Глава II	16
Глава III	24
Глава IV	33
Глава V	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вячеслав Шторм

Спящие Дубравы

*С благодарностью и любовью – Кошке-Иришке, Леше, Кольту,
Ковбою и Джентльмену с Медвежьей Речки*

Глава I

В которой рассказывается о подлости одного конкретно взятого драконозавра и вреде чрезмерного употребления алкоголя

Этого никогда бы не случилось, если бы не ряд обстоятельств, из-за которых и заварилась та каша, расхлебывать которую пришлось мне и...

Впрочем, давайте по порядку.

Итак, все началось с того, что мой драконозавр во всю дурь втопил по улице. Как? Вы в самом деле не знаете, что такое драконозавр? Слушайте, а вы, случайно, не из Спящих Дубрав приехали? При чем здесь Спящие Дубравы? Да нет, просто там живут такие странные люди. Взять хоть моего тестя... но это я так, к слову... О чем бишь мы говорили? Ну да, все верно. О драконозаврах. Если вы и в самом деле не видели ни одного, а не издеваетесь надо мной, то представьте себе животное, сходное по размерам с небольшой лошадкой (странно, лошадей вы почему-то знаете, а ведь они у нас встречаются куда реже) и передвигающееся на четырех когтистых лапах. Прибавьте крепчайшую шкуру, длинный хвост и голову, напоминающую змеиную (соответствующих размеров, разумеется), но – зубастую и с острыми ушами. Вот это драконозавр, самое распространенное ездовое животное в мире. Живет до пятидесяти лет, практически всеяден, очень вынослив, легко дрессируется и, если вы правильно себя поставите с самого начала – отличается исключительной преданностью. Представьте теперь, что получившееся существо крупнее доброй половины своих собратьев и вдвое их прожорливее, а также обладает редким умом и весьма специфическим чувством юмора. Это – *мой* драконозавр, Изверг. Сын Мегеры и Злодея. И дури у него полно.

Ах, да. Дело происходило тут, в славном городке, именуемом Райская Дыра. Славном, славном. Чем? Хотя бы тем, что в нем живем мы с женой. Не показатель? Хм, кому как... Ну, тогда своим названием. Не знаете? Э-э, да вы, как я погляжу, и впрямь не местный. Ну, значит так. Город был основан разведчиками королевы Зензириты Салийской. Разумеется, куда же без них... Когда их командир посылал отчет об успехах экспедиции, он прямо так и написал: «Кошмар! Жуткая дыра!» Но королевский Лорд-Картограф, которому надо было не только нанести открытые земли на карту, но и по возможности выгодно их продать поселенцам, такую нелестную формулировку зарубил на корню. А поскольку с чувством юмора у этого достойного господина было все в порядке – вуаля!

Когда это было? Послушайте, а вам не все ли равно? Вы же просили хорошую историю, а не монастырскую хронику. Вот именно. А хорошая история, чтоб вы знали, и хороша-то в числе прочего тем, что могла произойти когда угодно. Ну ладно, ладно. Скажем так: это случилось некоторое время назад, ранней осенью, и точка.

Так вот, в тот день я просто безобразным образом напился. Точнее, нет. Вы еще, чего доброго, сочтете меня пьяницей, что крайне далеко от истины. Конечно, я, как и любой нормальный мужчина, люблю пропустить стаканчик-другой, особенно – в компании старых друзей, но чтобы настолько... Просто случилось так, что я работал целых полгода, и работа была

не из легких. Какая? Да нет, не секрет. Я валил лес. Здоровенные сосны из тех, что принято называть «корабельными». Топором и пилой. С утра до вечера. В любую погоду. Целых сто восемьдесят три распроклятых дня. И честное слово – порой мне казалось, что они никогда не кончатся. Как оказалось, я был не прав.

Счастливым день, в который истек срок моего контракта, все-таки настал. С утра, слегка помывшись, слегка побрившись, слегка закусив и слегка отмутузив начальника моего участка на добрую память, я целеустремленно двинул к кассе. Вот досада! У нее уже стояла весьма длинная очередь из моих страждущих коллег. Все шумели и размахивали руками, предвкусывая грядущий загул. Впрочем, то ли в артели меня любили больше, чем я думал, то ли вид меня, целеустремленно прущего напролом сквозь ельничек, оставляя за собой широченную борозду, был чересчур красноречив... Одним словом, к заветному окошечку я подошел в гробовой тишине, сразу же и без помех.

Отойдя от него, я:

1. Расплатился с накопившимися долгами и выкупил у местного ломбардщика (по совместительству: трактирщика, счетовода, лекаря и владельца единственной при фактории лавки) свой меч.

2. Посмотрел на клинок, вздохнул, плюнул и продал ему же, а себе купил другой, на порядок лучше.

3. Подумал и прикупил к новому мечу красивые ножны и перевязь.

4. Подумал еще немного и решил, что с моим старым поясом они гармонировать не будут.

5. Приладил пояс, осмотрел на себя с ног до головы в засиженном мухами зеркале и решительно сменил весь гардероб целиком.

6. Вспомнил об Изверге и добавил к покупкам нарядную уздечку.

7. Попутно вспомнил о том, что дал себе торжественную клятву сегодня же свалить отсюда куда подальше и набил дорожные сумки под завязку провизией и необходимыми в путешествии вещами.

8. Вышел на крыльцо и пересчитал оставшиеся деньги.

9. Выругался.

10. *Грязно* выругался.

11. Вошел обратно в лавку и без слов указал на самую большую бутылку с нашим фирменным напитком «Отрада (или „Отрава“, это уж кому как больше нравится) лесоруба»: пол роблора, пол-литра, полсотни градусов.

Да, поступок не самый достойный, охотно разделяю вашу точку зрения. Но это я теперь старый и мудрый, а тогда... Э-хе-хе, молодость, молодость! Само осознание того, что ты угробил целых полгода своей единственной и неповторимой жизни и получил взамен меч в ножнах, костюм, сапоги, еды на неделю и жалкую горстку серебра, в двадцать семь лет доконают кого угодно. И я не был исключением. Мне было страсть как обидно, слегка тоскливо и вообще неуютно, поэтому за первой бутылкой «Отрады» очень скоро последовала вторая. Ваш покорный слуга мрачно глотал эту мерзость в полном одиночестве и даже не подозревал, что каждый глоток приближает его к главному приключению его жизни.

А теперь вы, должно быть, будете смеяться... мне сейчас и самому забавно, но что делать. Короче говоря, основной причиной всей этой эпопеи стал даже не Изверг, как я сказал в начале, а цивилизация. Кроме шуток. Я преспокойно мог надраться и в лагере (уж чего-чего, а запасов спиртного в день получки там хватило бы и на троих таких как я), проспаться в знакомом до скрежета зубовного бараке – и все. Но я провел сто восемьдесят три дня в глухих лесах, изо дня в день видя одни и те же рожи артельщиков (тупые, как дерево) и одни и те же деревья (нев्यразительные, как рожи артельщиков). Именно поэтому, когда вторая бутылка «Отравы» показала дно, меня неожиданно обуяла тоска по *нормальному* городу и *нормальным* людям.

Ах, да! Еще *нормальной* кровати.

Так что, выйдя из таверны, я оседлал Изверга и, как скорпикорой в зад ужаленный, погнал его по большаку в направлении ближайшего (семнадцать километров) населенного пункта. То есть сюда. В Райскую Дыру.

В то время как мы оставляли за спиной километр за километром, погода портилась прямо на глазах. Сначала куда-то запропастилось солнце, потом все небо заволочло тучами, потом задул сильный ветер и в довершение всего пошел дождь. Хороший такой, правильный. С громом, молнией и уймой холодной воды.

Любой здравомыслящий человек в подобной ситуации повернул бы назад или поискал пристанища на время ненастья. Любой, но только не я. От предков я унаследовал привычку доводить задуманное до конца и любое дело делать основательно. В тот день я хотел напиться, и я основательно напился. В дым. В хлам. В стельку. А потом я захотел попасть в город и, чтоб мне провалиться, я туда попал! Так что все выкрутасы Матушки-Природы были мне, что называется, до свечки. В конце концов, мочило нас с Извергом нередко, и – ничего. Не растаяли. Ну и, наконец, к тому моменту, когда дождь из просто сильного стал проливным, мы были к Дыре всяко ближе, чем к фактории.

Примерно такие мысли бродили в моей отяжелевшей голове в тот момент, когда когтистые лапы драконозавра четырнадцатый раз в жизни ступили на эту благословенную землю. Вот он, я! Ау, люди добрые! Давайте общаться!

Ан нет.

Общаться со мной никто не желал. И вовсе не потому, что я такой уж несимпатичный. Просто дождь, на который мы с Извергом так отважно наплевали, действительно разошелся не на шутку. Поняв это, все горожане, у кого была голова на плечах, мигом разбежались по домам и питейным заведениям. В иной ситуации я, разумеется, это бы понял, но только не тем вечером.

«Вымерли они здесь все, что ли?» – хмуро рассуждал я, оглядывая пустые улицы, закрытые двери и занавешенные окна.

– Т-ты как думаешь, парень?

Парень (то есть Изверг) думал головой. И, будучи трезвее стеклышка, вовсе не разделял моего пасмурного настроения. Он с восторгом шлепал по самым глубоким лужам, разбрызгивая вокруг грязную воду, урчал, пофыркивал и всячески выражал свое удовольствие. Сочувствия к хозяину в нем было не больше чем в прохудившемся сапоге. Именно это я и собирался поведать бессовестной скотине, но...

Но тут у вышеозначенной скотины не ко времени проснулось его треклятое чувство юмора. Прекрасно зная, что сейчас я просто не в состоянии двинуть ему кулаком в морду (так я обычно напоминаю, кто из нас двоих *действительно* крутой парень), он задрал хвост и помчался как ошпаренный. Без какой-то конкретной цели. По маршруту «до конца города – резкий поворот – обратно». Раза три. Или четыре. Не помню.

Так вот, Изверг неся по вечерним улочкам, а я прилагал все усилия, чтобы не свалиться в какую-нибудь лужу, и при всем том пытаюсь напевать весьма популярную тогда песенку с незатейливым названием «Здравствуй, здравствуй, крошка!» Признаюсь честно: как певец я никогда не блистал – мне в детстве хримтурс на ухо наступил, и это вовсе не метафора. Жена впоследствии не раз подмечала, что с моей точки зрения петъ *хорошо* и петъ *громко* – одно и то же. Так вот, в тот вечер выходило и вовсе из рук вон плохо. Проклятушая «Отрава» изрядно подпортила мне дикцию, к тому же дождь и не думал униматься, а петъ и отплеываться от попавшей в рот воды – сами можете представить...

И в тот момент, когда я в четвертый раз принялся за припев, отчаявшись вспомнить начало третьего куплета, Изверг вдруг остановился, с шумом втягивая ноздрями воздух. Делать это так неожиданно было полнейшим свинством с его стороны: я не ожидал ничего подобного, а потому все-таки вывалился из седла. Точнее, выпустил из рук уздечку, переле-

тел через драконозавровую голову и приземлился (весьма жестко) на мощеную булыжником мостовую. Сами понимаете чем. С другой стороны, это была совсем небольшая плата за избавление от тряски, подбрасывания и швыряния из стороны в сторону. Бывало и хуже. Мог ведь и в лужу опрокинуть...

Первой моей мыслью было, что у подлого драконозавра пробудились благодарные чувства к хозяину. В конце концов, я его выкормил и выходил, когда он был совсем сосунком. Честное слово! Его мамаша – любимая матушкина драконозавриха Мегера – отравилась какой-то дрянью и у нее пропало молоко. И я каждый день, зачастую сам не успевая толком поесть, выкармливал этого паразита. Из бутылочки. Да, маленькой такой бутылочки, всего-то литра на три. Даже малышом он имел аппетит всем на зависть...

Однако, приглядевшись получше, я тут же понял всю жестокость своей ошибки. Никакой благодарности! Никакого расчета! Счастье мое, что дело происходило не на краю кратера вечно действующего вулкана ЧтоТоКаКа, а то лететь бы одному милому парню в него со свистом! Загвоздка была совсем в другом.

У коновязи (правильнее было бы сказать *драконозавровязи*, но это так скучно и долго, что все пользуются старым словом) стояла *она*.

Драконозавриха.

Рыжая.

У Изверга же, доложу я вам, на рыженьких ба-альшой бзик. Просто таки громадный. Он при их виде даже аппетит может потерять. Часа на три. Доходит это порой до смешного: ежели мне приспичит закадрить девчонку, и она окажется блондинкой, брюнеткой или шатенкой, то я ее, скорее всего, закадрю. Но упаси меня боги приударить за рыжухой – подлый драконозавр ни мне, ни ей покоя не даст. Оскорбленные девицы чаще всего удаляются, считая, что Изверг рыжих ненавидит. А дело-то как раз в другом: он просто ревнует. И добро бы, если их ко мне...

Разумеется, вспоминать этот факт мне тогда было, скажем прямо, недосуг. Та часть моего сознания, в которой хранились сведения касательно драконозавров, при взгляде на рыжую тут же вынесла лаконичный вердикт профессионала: «Самка как самка. Вполне упитанная. Молодая. Лично я встречал и посимпатичнее».

Именно это я и попытался изложить своему приятелю, попутно вставая с мостовой, охая и потирая ушибленное место. Однако он считал (и по сю пору продолжает считать) совершенно иначе.

Ну так вот, я залез обратно в седло и ткнул неблагодарного зверя пятками в бока. Это должно было совершенно недвусмысленно напомнить, что он по-прежнему на службе. Хозяина же абсолютно не устраивает торчать под дождем и любоваться на то, как он пожирает рыжую драконозавриху жадными глазами.

Ноль внимания.

Новый пинок под ребра вкупе с рывком за узду. Ага, на этот раз реакция последовала: ко мне соизволили повернуть голову и выразительно рывкнуть.

Некоторые люди уверяли меня, что тембр моего любимца, когда онный не в духе, запросто может вызвать у неподготовленного человека сердечный приступ. И разобрать что-то в этом реве, мол, просто невозможно. Брехня! Проведя в компании драконозавров большую часть жизни, я всегда отлично понимал Изверга, равно как и большинство его сородичей. Ну вот, например, если перевести высказанное им тогда с драконозаврового на наш, это звучало бы примерно так: «Слушай, ты! Имей совесть и отвали. Мне сейчас сильно не до тебя, *и ваще!...*» Далее шли непередаваемые идиоматические выражения.

Поняв, что возмущаться бесполезно и подлого зверя сейчас не сдвинуть с места даже на буксире, я кое-как сполз обратно на землю и успокаивающе похлопал Изверга по задку, проормотав:

– Да ладно тебе, не ругайся... – а потом осмотрелся по сторонам.

Оказалось, что мы притормозили прямехонько у трактира «Золотая кружка», где я, каждый раз, будучи в городе, традиционно оставлял практически всю свою наличность. Совершенно верно. Вот у этого самого трактира, он с тех пор ничуть не изменился. Но если вы будете меня то и дело перебивать, этот рассказ никогда не закончится. То-то...

Итак, определившись со своим местоположением, я засунул руку в карман, и некоторое время задумчиво в нем копался, покачиваясь на ветру, как заправский флюгер, пока не нащупал монеты. Всего одну, если быть точным. Остальные не иначе как растерял на галопе. А моя мудрая матушка всегда говаривала: «Сынок! Чем меньше денег у тебя в кармане, тем быстрее от них нужно избавиться. А то новые не заведутся!»

Приняв все это в расчет, я еще раз критически посмотрел на Изверга (он демонстративно повернулся ко мне задом), пожал плечами и эдаким молодецким шагом взобрался на три ступени вверх. Погрозил сверху пальцем драконозаврам, пробормотал: «Вы тут того... не очень...», – решительно распахнул дверь и вошел в трактир.

Правда, «вошел», – это не совсем то, что получилось на самом деле. Скажем так – «попытался войти». В дверном проеме меня стремительно повело влево, при этом носок сапога по закону подлости зацепился за порог, а под руку, как обычно, не попалось ничего, за что можно было ухватиться. В общем, я ввалился в зал без малого кубарем, сбил по пути два стула и в завершение с треском врезался головой в массивную ножку стола, выточенную из лучшего оргейлского дуба. Дерево дало трещину, а мой лоб на несколько дней украсился превосходной шишкой. Разговоры посетителей на мгновение стихли. Работавший за стойкой хозяин заведения, Малыш Черч, не оборачиваясь, отметил:

– А, привет, Сэд! Давненько же ты не показывался у нас.

Стоп! Неужели я настолько разболтался, описывая свои злоключения, что забыл представиться? Тысяча извинений!

Зовут меня Сэд из Сосновой Долины. То есть, конечно, Сэдрик, только не люблю я этих официальностей. А Сосновая Долина, если кто не знает, располагается на самом севере королевства Райвэлл и примечательна только тем, что там родился я да еще самыми здоровеными соснами из всех, которые я когда-либо видел, за исключением... Ладно, до этого тоже время дойдет. По профессии я – объездчик драконозавров, также, как вы уже знаете, работал лесорубом, а еще: перегонщиком стад, солдатом, телохранителем, разведчиком, золотоискателем... ух, сейчас всего и не упомнишь! Впрочем, ни на одной работе больше двух лет кряду я не задерживался, и вовсе не по причине склочности или капризности. Просто люблю перемены, приключения (в разумных пределах), и терпеть не могу долго сидеть на одном месте без дела либо с оным. Если верить матушке, это у меня от папаши. Тот тоже имел в седалище преогромное шило. Наверное, именно из-за этого он сразу же после моего рождения собрал свои немногочисленные манатки и отбыл навсегда в неизвестном направлении. Но, Впрочем, хватит об этом.

Я кивнул в ответ Черчу, попутно стряхнув с себя обломки, некогда бывшие спинкой стула, и, приняв вертикальное положение, заказал кружку своего любимого темного эля. Получив желаемое, я плюхнулся на первую попавшуюся и жалобно скрипнувшую подо мной скамью. Ничего не поделаешь – весил я всю жизнь немало. И ни капли жира! Мышцы, кости и мясо, причем – именно в такой последовательности. У нас, в Сосновой Долине, все ребята немаленькие, но я любого переплюну! А тем, кто бурчал, что «сила есть – ума не надо», мы с Извергом доступно и быстро разъясняли, что они не правы...

Так вот, лишь сделав добрый глоток, я обратил внимание на то, что столик, за которым я сижу, похоже, уже занят. Напротив меня расположился на редкость занюханный и хорошо одетый тип (сплошной бархат, кружева и золотые цацки) и цедил что-то из ма-ахонького кубка (я бы в таком и зубы не намочил). Вообще-то я человек вежливый, но мой зад под влиянием

«Отравы», «залакированной» элем, отчаянно протестовал против поднятия и перенесения его куда б это ни было. Да и откуда я тогда мог знать, что этот тип-недавно избранный местный мэр Джадур Кривоус?

– Тебе ч-че? – спросил я у достойного горожанина, когда больше не мог игнорировать его влюбленный взгляд, накрепко приклеившийся к моей скромной персоне. *Не знаю*, почему именно влюбленный, – мой мозг в ту минуту просто не мог найти лучшего определения. Зато я отметил, что длинные рыжие усы, щегольски закрученные кверху, делают моего соседа похожим на таракана-переростка. Какая гнусь!

– Да я... так... – мой вопрос явно застал его врасплох, однако пялиться на меня он не прекратил. Допив свой эль, я вежливо подождал пару минут, чтобы дать понять Таракану, что кое-кто тут лишний. Естественно, не я. Только до него, видать, туго доходили совершенно простые вещи, – он сидел, будто прибитый к лавке ржавыми гвоздями, и продолжал пялиться на меня самым неприличным образом.

Вот теперь я начал понемногу сердиться. Любой скажет, что Сэд из Сосновой Долины – парень мирный и никому зла попусту не желающий, но все же есть предел! Я – свободный человек и имею право на уединение!

– С-ушай, у-ди, а? – в последний раз предложил я, старательно скрывая раздражение. – Мне щас охота побыть наедине с собой...

Иллюстрируя свои слова, я широко и звучно зевнул. Только Таракана и видели. И хотя Черч меня впоследствии долго убеждал в обратном, я все же считаю, что мозги у него были не в порядке. Как иначе объяснить то, что, едва оказавшись на улице, мэр принялся вопить, что какой-то пьяный в дымину полутроль-полухримтурс собирается откусить ему голову? Даже если не брать в расчет эту дурацкую характеристику, подумайте сами: на кой мне его голова?!

Ну ладно, по крайней мере, он убрался, а горожане были достаточно широких взглядов, чтобы не верить подобным заявлениям человека, только что вылетевшего из трактира. А может, никто не захотел связываться с мужиком, желающим (и, скорее всего, могущим) откусывать головы. На радостях я заказал еще эля и двойную порцию фирменного жаркого, чем истощил вконец свой скудный денежный запас. Правда, мясо оказалось пережаренным и на первый взгляд напоминало подошву моего сапога, но я никогда не претендовал на звание гурмана. Да и потом, едал я в своей жизни такое, по сравнению с которой эта говядина казалась пищей богов.

Добросовестно пережевывая свой нехитрый ужин (или завтрак?), я стал слегка клевать носом, и тут слева послышалось:

– А ты, часом, не заливаешь, приятель?

Оглянувшись, я увидел троих мужчин, сидящих за кувшином вина. Двое, судя по добротным кожаным курткам и длинным ножам у пояса, были зажиточными мясниками, а третий был облачен в невероятную хламиду кричаще-оранжевого цвета. В таких обычно щеголяют купцы, приплывающие к нам с дальнего юга, но этот тип был южанином не больше меня. Никакого сомнения – заинтересовавшая меня фраза была обращена к нему.

– Да говорю ж вам, друзья, все так и было. Мы с братцем тогда плавали по морю Сапоговых и торговали с жителями прибрежных городов. Ну, там, знаете: Лоранна, Эзир, Аламеф... Эх, видели бы вы наш кораблик! Небольшой, но верткий, – лучше не придумаешь для петляния между Аламефскими рифами.

«Что он несет?» – промелькнуло у меня в голове. Бывал я в Аламефе. Городишко паршивый, женщины черные, мух бог весть сколько, пиво кислое и мутное – это да. Но вот рифов там в округе отродясь не было.

Тем временем носитель хламиды продолжал вещать с видом философа, истосковавшегося по аудитории:

– Везли мы, стало быть, раз полный трюм всевозможных пряностей в... ну... как же эта дыра зовется?.. Ну да не важно!

– Что же ты за торговец тогда, если не помнишь, куда товар вез?! – сплюнул один из мясников, но товарищ дернул его за рукав:

– Вот вечно ты, Хогард, перебиваешь. Подумаешь, беда, – забыл человек. Ну и что дальше-то было?

– Ну, так я и говорю, везли, значит, везли, и вот однажды видим: блестит что-то далеко в море. Братец тут же загорелся: плывем, говорит, посмотрим, что за диво. Я ему: далеко, дескать, еще с курса собьемся, а он – ни в какую, плывем, и все тут. Ну, поплыли. День плывем, другой плывем, а не приближаемся ничуть. Тут уж и команда зароптала: а вдруг, мол, это западня пиратская для таких вот лопоухих? Только братец уперся, что твой бык. Я, говорит, никого не держу, и кто плыть со мной не хочет, пусть сигает за борт и гребет до берега. А пиратов я видал там-то и там-то!

– Молодец, мужик! – одобрил Хогард. – И что, нашли чего?

– Найти-то нашли, да только... Короче, на третью ночь, как мы за светом этим подались, наплыл туман, аж воды не видать. Боцман наш говорит: вы, мол, как хотите, но если дальше плыть, то или команда взбунтуется, или заплутаем вконец. Делать нечего, поскрипел братец зубами, отругал нас всех на чем свет стоит, но все-таки отдал приказ поворачивать обратно. И только он рот закрыл, – тут же задул ужасный ветер и понес корабль неведомо куда.

– Врешь! – хором воскликнули оба мясника, не забыв, правда, скрестить два пальца левой руки, отгоняя злых духов.

– Клянусь памятью святых блаженных мудрецов Марка, Энгельта и Ульяниса, коих на моей родине почитают наравне с богами!

«Интересно, – подумал я, – и почему это у всех мудрецов, особенно святых и блаженных, всегда такие идиотские имена? Профессиональное, не иначе...»

Тем временем многие посетители трактира также заинтересовались историей, прочие голоса понемногу стихали, народ стал подтягиваться поближе к столику троицы. Человек в хламиде будто этого и ждал. Он отсалютовал слушателям кубком, сделал добрый глоток и продолжил рассказ:

– Носило нас по морю дня три. Парус сорвало вместе с мачтой, пятерых из команды смыло, а остальные уже по несколько раз перебрали в молитвах всех известных богов. Но вот проклятый ветер стих, туман тоже сгинул, и мы тотчас намертво засели на мель. Протираем глаза – земля: песчаное побережье, лес. Только уж больно много разбитых кораблей у берега. И не просто разбитых, а прям в решето! Как из катапульта в упор расстреливали. И ничего – ни костей, ни других следов человека, только остатки парусов на ветру хлопают. Б-рр-р!

Нас тогда осталось четверо: мы с братцем, старший помощник Заступ и юнга Диксенд пятнадцати лет от роду, мир их праху. И на четверых – фляга тухловатой воды, сухарей промокших на двое суток и ни одной мысли по поводу того, где находимся.

Тогда братец говорит: «Сами мы с этой мели не слезем. А даже если и слезем, то без парусов, один шут, никуда особо не уплывем, поскольку я лично ладошкой грести не обучен. Да и воды надолго не хватит. Значится, нужно искать помощи, ведь живет же здесь кто-нибудь».

Поохали мы, посетовали на судьбу... Только как ни крути – кругом прав братец получается. Самое главное, что кто-то и впрямь живет, – на разбитых кораблях хоть шаром покати, одни доски голые, да и те кое-где оторваны подчистую. Не зверюшки же лесные все растащили.

Порешив на том, добрались мы вплавь до берега, на песочек вылезли и стали по сторонам глядеть. Что за диво! Где это видано, люди добрые, чтобы лес на побережье из земли пер чуть не по самой береговой кромке? И ладно бы еще, начинайся он с кустиков или, там, поросли молодой, как нормальному лесу и положено, так ведь нет! Вот прямо у берега торчат такие

деревца, что, обходя вокруг, заблудиться можно. А уж до чего высокие! Ежели на макушку залезть, небось, прямо на небе и окажешься.

– Иди ты! – слышался восхищенный возглас кого-то из зрителей. Возможно даже, меня. Рассказчик принял это как должное, благодарно кивнул Черчу, подлившему ему еще вина, и продолжал:

– Понятное дело, проверять высоту деревьев дураков не нашлось... И стоит этот самый лес, будто крепость какая. А главное – тишина. Ни тебе птички поют, ни тебе ветерок листвою шелестит. Жутко, одним словом.

Ну, деваться некуда, потопали мы вперед, да только – что за новое безобразие?! – дорожка. Причем не простая, зверями или человеком проторенная, а широкая, ровная и ухоженная.

– Это как же?

– А вот так, мил человек. Точно кто выметает ее каждое утро и травку вручную выщипывает. И убегает эта самая дорожка в самую что ни на есть лесную глушь, насколько глазу видать, а там ветвится во все стороны. Прямо не лес, а прогулочный парк какой-то... Ладно, мы люди бывалые, и не такое видали, так что поплевали через плечо и двинули по ней. Вот тут-то все и началось, – рассказчик сделал злое лицо и на несколько минут многозначительно замолчал. Атмосферу нагнетал, не иначе.

– Где-то через полчаса слышим – никак, ручеек журчит. И так, знаете, по родному журчит, среди всей-то этой мертвой тиши, что прям сердце радуется. Юнга наш как журчание услышал, схватил флягу – и бегом на звук через кусты. Мы сказать ничего не успели, а его уже не видать. Стоим, ждем, – нет и нет. Стали кричать – не отзывается. Заволновались, понятное дело, пошли искать. Только завернули за одно особенно здоровое дерево, как видим – и впрямь, ручеек. А возле него, чуть не всю голову в воду засунув, лежит наш паренек. Заступ как рывкнет: ах, ты, дескать, так тебя и разэтак, чего молчишь?! Мертвый бы вскочил, а Диксенд не только не отвечает, а и не шевелится. Смекнули мы тогда, что что-то здесь не так, подошли поближе, подняли юнгу, – а у него голова мотается, как у куклы. Шея, стал-быть, сломана.

И тут напал на нас такой ужас, что бросились мы бежать, не разбирая дороги. Бежали, бежали, бежали, – и вернулись на то же самое место у ручья.

– Брехня!

– Да как такое может быть?!

– А вот так! Тут-то мы и смекнули, что кто-то или что-то, вроде как, в ловушку нас поймало. «Ладно, – говорю тогда, – нечего нам по этому лесу круги нарезать», – а у самого от страха зуб на зуб не попадает.

Делать нечего, отошли в сторонку, насколько глазу видать, закопали поскорее бедолагу, а тут уж и ночь наступила. Разожгли мы костер, условились насчет дежурства – братцу первая очередь выпала – и улеглись спать. Думали, что от страха глаз не сомкнем, да куда там!

В общем, проснулся я утром – костер потух, братец похрапывает, а Заступа нашего нет нигде. Растолкал я братца, он глазами хлопает: вырубился, мол, только на секунду веки опустил, ничего не помню, и все такое.

Поорали мы с полчаса, по округе пошарили, потом еще раз уйти попытались. Результат, как говорил мой учитель математики, нулевой. Сидим по обе стороны от костровища, зубами дробь выбиваем, оба давно уже с жизнью простились. И тут потухший костер вдруг как вспыхнет, да так ярко, словно на него масла плеснули. Зажмурились мы, а как снова глаза открыли, глядь – стоит прямо перед нами не человек, не зверь, а что-то среднее: высоченный, угловатый, черный плащ с капюшоном, лица словно и нет, только глаза угольями светятся. А на ручищах мохнатых, что из-под плаща высовываются, вот такенные когти. И грохочет это самое страшное так, что воздух дрожит: чего, дескать, в лесу моем забыли?! Ну, тут у братца нервы сдали. Заорал он, схватил топор, да только жуть лесная пальцами шелкнула, – братец и окаменел.

– Застыл, что ли?

– Куда там «застыл»! Как был – весь каменный сделался, – отозвался рассказчик и вновь залпом осушил кубок, причем руки его так дрожали, что большая часть вина пролилась на грудь.

– Извиняйте, мужики. Сколько уж времени прошло, а все едино – как вспомню, так всего трести начинается.

– Понятное дело!

– Нормально!

– Ничего! – громче всех заорал я, удивляясь, как меня зацепила история.

Благодарно кивнув, жертва лесного кошмара продолжила рассказ:

– После того, как *это* из братца статую сделало, вроде как засмеялось, и говорит: «Нет, не нужно мне в лесу такого украшения». Щелк еще раз пальцами – братец тут же весь трещинами покрылся и рассыпался пылью.

Сил не было больше глядеть на эти страсти. Попрощался я с белым светом и зажмурился крепко-накрепко, потому как, вроде и не так страшно, не видя-то...

Стою, жду смерти, и тут слышу: «А ну, мерзавец, говори по честному, если жить не надоело: кто какие и что делали в Спящих Дубравах?»

«Ничего, – говорю, – не делали, и никаких таких Дубрав не знаем. Купцы мы, бурей нас сюда вынесло», – а сам глаз на всякий случай не открываю...

Оно опять засмеялось. Ну, думаю, амба! Сейчас и меня окаменит да по ветру пустит. Ан нет, насмеялось чудище и говорит: «Ладно, червяк, уж больно ты жалок, стыдно о такого руки марать. Как окажешься в Большом мире, расскажи всем: я – Френгис, Верховный Лесничий Спящих Дубрав, и кто в лес мой заповедный сунется, тотчас с жизнью расстанется.»

И не знаю, что уж этот Лесник там сделал, а только отключился я.

«Спящие Дубравы... Где-то я уже слышал это название... – пронеслось в моей голове. – Только вот где? У-у, проклятая „Отрава“!..»

Меж тем драматическая история подходила к концу:

– Очнулся я от того, что кто-то меня за ногу тянет. Открываю глаза – мать честная! – лежу, мокрый до нитки, на берегу моря, солнышко светит, невдалеке вроде как город, а рядом со мной стоит дед какой-то и за ногу меня держит. «Извини, – говорит, – милочка, думал, утоп ты, хотел сапоги снять, уж больно добрые». «Где я?» – спрашиваю. «Известно где, Треиси энто». «А какой день-год сейчас?» Старикан так и закатился: «Ну, соколик, и набрался же ты, однако!»

Короче, оказалось, что только пять дней, как мы с братцем отплыли. Я сначала разрыдался: понял, что спасен, а потом... – человек в хламиде вновь принял к кубку, а когда вновь заговорил, язык его уже изрядно заплетался:

– Потом... А что же потом? Вот ты – з-забыл вконец... Да ну и ладно!

– И куда ты сейчас? – спросил Малыш Черч.

– Что з-значи-т, «куда»?.. Домой, стало быть, в Меруду...

– Какую Меруду?! – возмутился кто-то из слушателей. – Меруду князь Сорон Ланжский уже три десятка лет назад с землей сравнял, а место солью засыпал. Доподлинно знаю, потому как батю там моего кончили, и я теперь как есть круглый сирота!

– Да-а? – удивленно протянул рассказчик и, глупо хихикнув, заключил: – Ну и хрен с ней!

С третьей попытки попав в карман, он выудил кошелек и высыпал его на стол. По столешнице с отрадным уху звоном запрыгали серебряные кругляшки, блестящие, будто только что с монетного двора.

– Х-зяин! Сем за м-е здоровье, а я... пойду... нужно... – провозгласил хламидоносец таким торжественным тоном, будто по меньшей мере раскрыл миру секрет философского камня. И, держась рукой за стену, а второй тщетно пытаясь расстегнуть пряжку пояса, проследо-

вал к выходу. Посетители же, напротив, дружными рядами потянулись к стойке. Рассудив, что ко мне «все» так же применимо, я двинул туда же.

– Как думаешь, набрехал мужик? – кивнув на дверь, спросил меня Черч. Поскольку мой рот в тот момент был занят дармовой выпивкой, я лишь пожал плечами. И правда, чего только в мире не случается?

– Что-то он долго, – заметил Хогард, на что его приятель глубокомысленно ответил:

– Что же ты хочешь, выпил-то тоже немало. На все время нужно...

Но прошло уже достаточно времени, чтобы основательно справить нужду дюжину раз, а рассказчик все не появлялся.

– Пойду-ка я гляну, небось, отрубился, – со вздохом поднялся сердобольный Черч. – Еще простудится, бедолага: дождь ведь, земля холодная... Пол, замени меня за стойкой.

Мало я встречал в жизни более душевных и отзывчивых людей, чем ушедшие на покой костоломы. Недаром многие из них, оставив свою профессию, открывают питейные заведения. А чего бы стоил этот мир без трактиров и кабаков, где можно расслабиться за кружечкой-другой?

Вернувшись, Черч скинул с плеч насквозь промокший плащ и с изумлением развел руками:

– Как испарился. Чудеса, да и только.

Пока посетители обсуждали странный рассказ и еще более странное исчезновение, я вернулся на свое место и уже вновь начал клевать носом, как тут на плечо мое опустилась рука.

Первой мыслью было: Домби-Крюк решил сквитаться за три выбитых зуба и сломанную руку. Или Элис вспомнил о том, как год назад я возил его красивой физиономией по мостовой, делая ее еще более красивой. Физиономию, в смысле. Или Жаннет напомнила своим кузенам, что по-прежнему чувствует себя оскорбленной и в отместку жаждет стать моей женой. Или...

На всякий случай нащупав под столом ножны с кинжалом (меч остался притороченным к седлу Изверга), я медленно обернулся.

М-да, Черч любит вспоминать тот вечер, и каждый раз его рассказ звучит все более невероятно. Совсем недавно он утверждал, что в тот момент об мою голову можно было расколоть дубовый стул, а я бы ничего не заметил. Вчера стул сменило кресло. Интересно, как скоро он дойдет до комода? Судя по паскудной ухмылке, ждать придется не так уж долго...

Хотя надо отдать старику должное, я и впрямь слегка остолбенел.

Дело в том, что вместо ожидаемых громил передо мной стояла девушка. В первый момент я отметил лишь, что она моложе меня, темноволоса, одета в дорожный костюм, а с ее новомодного плаща, пропитанного каучуком, стекает вода. Ах да, дождь...

– Послушай, мне сказали, что это ты хозяин того черного убожества, что опшивается на улице возле моей Лаки...

Я неопределенно пожал плечами, поскольку ничегошеньки не понял. Явно раздосадованная моим тугодумием, девушка слегка топнула хорошенькой ножкой в сапоге отменного качества:

– Я говорю о драконозавре. Здоровенная скотина грязно-черного цвета с наглой мордой и паршивыми манерами. Кстати, немного похожая на тебя.

Любому, кто посмел бы в моем присутствии говорить так о Изверге, я немедленно и доходчиво объяснил бы: впредь за своим языком надо следить. Но не драться же с девчонкой. Тем более, если девчонка молода, красива и смотрит мне прямо в глаза. Неизвестно почему, но меня прямой женский взгляд всегда обезоруживает. Поэтому я сглотнул и коротко мотнул головой:

– М-е...

– Понятненько...

Незнакомка уселась на место, до того занимаемое Тараканом (вот против такой компании старина Сэд ни в жизнь возражать не станет!), предоставив мне возможность разглядеть себя как следует.

Скажу сразу: если кому-то охота меня упрекнуть, что поехал с совершенно незнакомой девушкой на край света сугубо из-за ее внешности, он не прав по меньшей мере наполовину. Хотя боги явно не обделили ее привлекательностью – примерно сто один балл по стобалльной шкале. Будь я трезв, еще неизвестно, чем бы все закончилось, но я был пьян. Очень-очень пьян.

Пока я откровенно паялся на эту крошку, она времени даром не теряла. На столе мгновенно материализовались два кубка, кувшин чего-то и тарелка с чем-то. Видно, Черч тоже не устоял перед милой улыбкой, легким румянцем, трепетанием нежных ресниц и всем прочим, при помощи чего женщины испокон веков делают из нашего брата дураков.

– Не стесняйся, – девушка махнула в сторону снеди.

В отличие от многих моих знакомых я никогда не имел ничего против того, чтобы меня угощали представительницы прекрасного пола, и не стал дожидаться повторного приглашения.

В кувшине оказалась «Золотая лоза» – некрепкое, на мой вкус чересчур сладкое и густое вино. К тому же – безобразно дорогое. Я, если бы меня кто спросил, предпочел бы еще кружечку-другую эля, но меня, разумеется, не спрашивали. С другой стороны – дареному драконзавру под хвост не заглядывают.

Примерно после третьего кубка я, наконец, спросил:

– Все это хорошо и замечательно, но...

– Но ты хотел бы знать, чего мне от тебя нужно?

– Угу.

– Я так и думала. Прежде всего, меня зовут Глорианна.

Ага, а я-то все гадал, как могут звать девушку моей мечты...

– Сэд, – коротко и просто кивнул я, осторожно пожав тремя пальцами протянутую мне маленькую, но крепкую ладошку.

– Отлично. Что умеешь делать?

– Все.

– Отлично, – еще раз повторила девушка. – Хочешь хорошо заработать?

Ого, вот прямо так, с галопа в карьер? Сдается мне, что-то тут нечисто.

– Ну, оно, конечно, неплохо бы... – протянул я, пытаюсь понять, куда она гнет. – А в чем дело?

– Дело... – начала она, но тут у меня все поплыло перед глазами и, хоть убейте, я до сих пор практически не помню то, что происходило дальше, а сама негодница только посмеивается и не отвечает. Сначала мы говорили, потом куда-то шли, там были какие-то люди. Еще я помню, что пытался что-то писать. Потом мы вернулись в «Золотую кружку», где я снова пил, а под конец вознамерился обнять свою новую знакомую, но в глазах изрядно двоилось, поэтому я промахнулся и, сграбастав кувшин, раздробил его на мелкие черепки. Потом мой подбородок со всего маху врезался в столешницу, зубы весело сказали «клац!», а сознание погрузилось в беспросветный мрак.

Глава II

В которой рассказывается о наследии Фиолетового Юстаса, а также о том, как меня два раза подряд бессовестно обвели вокруг пальца.

Я проснулся, вероятно, оттого, что на мою голову вылилось изрядное количество холодной воды. О, нет! Опять дождь?! Да когда же это кончится?!!

Последнюю фразу я проорал вслух, отфыркиваясь и отплевываясь, как выбравшийся из реки тигропард. Словно вняв моим мольбам, поток тут же прекратился. Заинтересовавшись, я открыл глаза и тут же вновь крепко зажмурился.

– Давай, давай, а то еще добавлю!

«Неужто и впрямь – боги вмешались?» – пронеслось у меня в голове. Точнее, богини, поскольку голос был явно женским. Как бы то ни было, но я мужественно приоткрыл сначала один глаз, затем второй.

Надо же, оказывается, кошмарная ночь все-таки прошла, оставив о себе на память лишь премерзкий вкус во рту и изрядную головную боль. Против всех ожиданий, я лежал в позе задумавшегося философа на зеленом пригорке, а надо мной были синее небо, безобразно яркое солнце и девушка с пустым походным ведром в руке.

«Ее зовут Глорианна. Я ее, кажется, люблю. У нее есть рыжий драконозавр. Его, кажется, любит Изверг. Ой, мамочки!» – новый приступ головной боли прервал поток моих воспоминаний. Ощущение было такое, будто по вискам что-то есть дури шарашит своим знаменитым молотом всегномий бог Пругг.

– Ну, слава богу! – насмешливо приветствовала меня Глорианна, отбрасывая варварское орудие пробуждения. – Вы таки проснулись, сэр? Это весьма мило с вашей стороны – я-то боялась, что ваша светлость продрыхнет до обеда.

– Где мы? – спросил я, садясь и выколачивая из уха попавшую туда воду. – И где Изверг? И как, во имя всего святого, я сюда попал?!

– В получасе езды от Дыры. А твой зверь, кажется, отправился вон туда.

Девушка показала на заросли какой-то нежно-зеленой растительности, из которых торчал хвост моего приятеля. Судя по громкости чавканья и треска, Лака составила ему компанию. И, судя по финтам, выписываемым этим самым хвостом, Извергу было не в пример лучше, чем его хозяину.

Моя вчерашняя знакомая, должно быть, умела читать мысли. Она со вздохом присела на корточки, покопалась в лежащей рядом с ней сумке и бросила в мою сторону небольшую глиняную бутылочку. Чуть глаз не выбила, честное слово!

Воздержавшись от вопросов, я кое-как скосвырнул с горлышка сургучовую печать и принюхался. Кошмар! И это вовсе не метафора.

– Ну же, смелее! Вчера ты производил впечатление крутого парня. Неужели я ошиблась? Сам же потом благодарить будешь, – подначила меня маленькая негодяйка.

Что и говорить, даже в подобном состоянии разочаровать такую красотку я никак не мог. Заранее простившись с белым светом, я мужественно запрокинул голову и двумя глотками опорожнил бутылочку.

– А-а-аа! Тьфу, тьфу, гадость! Караул!!!

Треклятый сосуд, само собой, был наполнен знаменитым на весь мир Кошмарным Отрезвляющим Юстаса, бедолагами вроде меня именуемым попросту «Кошмар». История этого зелья, кстати, весьма забавна.

В те достопамятные времена как раз случилась очередная (седьмая или восьмая, уж не припомню) война между людским королевством Гройдейл и Гномьим Княжеством. Командир гройдейлской армии, прославленный Алекс-Шлемобой, выстроил свои войска, в числе которых был и Юстас (если быть точным, то Фиолетовый Юстас из Гройдейла, весьма могущественный и злопамятный чародей, к тому же – жуткий бабник), для генерального сражения. Но, поскольку время было позднее, массовое членовредительство, по обоюдному согласию сторон, решено было перенести на завтра.

Ночью гномы, пользуясь тем, что свара происходила на их территории, подкинули в лагерь Шлемобоя слушок, что совсем рядом с ним находится брошенная винокурня. Разумеется, так оно и оказалось. А в винокурне отступающие гномы «случайно» оставили несколько дюжин бочек с жоххом тройной перегонки – убойным пойлом градусов под девяносто. Ну и, разумеется, большая часть доблестной гройдейлской армии через пару часов лежала в лежку, потеряв к войне всякий интерес.

К счастью, Алекс-Шлемобой, съемши накануне чего-то не того, слегка маялся животом и в уничтожении жохха не участвовал. В панике он бросился разыскивать Юстаса и нашел таки мага через пару часов в отдаленных от лагеря кусточках с полковой маркитанткой. Гнев Юстаса, оторванного от девицы в самый интересный момент, был страшен. Но даже у него хватило ума осознать, что если оставить все как есть, то он в жизни больше не задерет ни одной юбки. Посему Юстас быстренько наколдовал экспромтом здоровенный чан отрезвляющего, в отместку сделав вкус зелья настолько мерзким... Одним словом, воспрянувшая гройдейлская армия, горя праведной мстью, решила не дожидаться утра и немедленно обрушиться на врага. А потом вернулась к недопитому жохху и неделю праздновала победу...

В общем, через несколько минут я отдышался, вытер набежавшие слезы и, сорвав травинку,дохнул на нее. Надо же – не обуглилась! Только слегка почернела.

– Спасибо! – нехотя буркнул я.

– Ой, да на здоровье! Кстати, ты есть хочешь?

Я прислушался к своим внутренним ощущениям и утвердительно кивнул.

– Я тоже не откажусь. Так что будь любезен, добудь какой-нибудь горючий материал, а то мой костерок вот-вот прикажет долго жить.

– Нет проблем, – пожал плечами я и молча принялся за работу. Но через пару минут не утерпел:

– И все-таки, как я сюда попал?

– Ну, – охотно стала рассказывать девушка, между делом ловко нарезая кружочками копченую колбасу, – когда ты отрубился в «Золотой кружке», я кликнула трактирщика, его помощника и еще пару ребят покрепче, мы взгромоздили тебя на Изверга...

– Стоп, стоп, стоп! Как это «на Изверга»? Да чтобы он подпустил к себе незнакомого человека, да еще и...

– ...и девушку? – с улыбкой закончила Глорианна. – Как раз с этим проблем не было: Лака лишь посмотрела на него разок, и он стал смирнее ягненка. Вот с тобой, мой друг, пришлось изрядно повозиться. Стоило вынести твое неподвижное тело из-за стола, как оно резко стало еще каким подвижным. Говоря короче, ты отбивался так яростно, будто тебя несут на колесование, и насажал ребятам уйму синяков и шишек. Черчу ничего не оставалось делать, кроме как пустить в ход свою дежурную дубинку. Кстати, он передавал тебе свои самые искренние извинения.

Я машинально потер макушку: дубинка у хозяина «Золотой кружки» и впрямь знатная. Помню, как-то раз заезжий хримтурс перебрал жохха и решил немного побузить на десерт, так потребовался всего десяток ударов...

От воспоминаний меня отвлек вылезавший из кустов Изверг. Мой полный презрения взгляд пришелся как нельзя кстати. Видимо, драконозавр счел его заслуженным, так как под-

жал хвост и слегка помотал головой. На нашем языке это значило: «А ты-то что бы делал на моем месте?».

– Не валял бы дурака! – шепотом ответил я, и Изверг без дальнейших пререканий убрался обратно в кусты. Он прекрасно знал, что в итоге прав окажусь все равно я, поскольку я – хозяин, однако его демонстративно-обиженное сопение слышалось еще долго. Ничего, ничего, ему полезно.

– Ладно, с тем «как» я сюда попал мы, кажется, разобрались. Теперь что насчет «зачем»?

Вопрос получился донельзя корявым, но девушка, как ни странно, поняла.

– Перед тем, как на время покинуть этот мир, ты активно плакался на тему того, что хочешь убраться из Дыры подальше, – начала разъяснять она. – Потому как они тут все нехорошие, тебя никто не любит, не жалеет и общаться не хочет. А потом вспыхнул желанием всенепременно меня сопровождать хотя бы до городской черты. По причине сугубой дикости здешних мест и душевной черствости их обитателей. И желание твое было столь... хм-м... велико, что... Одним словом, я подумала: кто я такая, чтобы лишать хорошего человека маленьких жизненных радостей?

Разумеется, надо мной издевались самым возмутительным образом. Однако при мысли о том, что я под градусом мог позволить себе по отношению к этой красотке, я мучительно покраснел и предпочел не развивать тему дальше, а уделить побольше времени сборке дров. Такой подход к делу тут же дал ощутимый результат – уже через пару минут я гордо сгрузил свою поклажу у нашей стоянки и обернулся к Глорианне, ожидая заслуженной похвалы.

К моему удивлению, девушка посмотрела на меня так, будто вместо одной головы у меня три. Восьмиглазых. С оленьими рогами.

– В чем дело? – слегка обиделся я. – Кто-то ведь делал заказ на топливо.

– Точно. Но этот кто-то не говорил, что топливо требуется для жаренья слонопотама.

– Ну, извини!

– Ну, не за что!

Пару минут мы созерцали друг друга, как два бойцовых петуха перед схваткой, а потом одновременно рассмеялись. Все еще смеясь, я посмотрел на дрова. Наверное, Глори (так я уже давно называл про себя свою новую знакомую) в чем-то и права. Только на слонопотама этого явно не хватит. Разве что – на очень маленького...

Девушка тем временем уже разложила на куске чистой ткани колбасу, сыр, лепешки и с десяток румяных яблочек. Последним на свет божий явился симпатичный пузатенький кувшин, заткнутый самодельной пробкой. Вот радость-то! «Кошмар» – «Кошмаром», но старина Сэд всегда предпочитал лечиться более традиционными способами.

Недолго думая, я завладел сосудом, но не успел сделать и пары глотков, как поперхнулся. В кувшине было молоко, а я его с детства НЕНАВИЖУ!!!

Девушка наблюдала за мной с явным удовольствием. Издевается она, что ли?

– Послушай, а если я не потребляю этот телячий продукт?

Глори кивнула на ведро:

– Завернув за этот пригорок, ты обнаружишь прекрасный родник, чистый и глубокий. Вода, правда, жутко холодная.

– Это я уже заметил, – буркнул я, и с надеждой спросил: – А ты совершенно случайно не захватила ничего покрепче?

Что ж, я, в общем-то, особо и не рассчитывал...

Вернувшись с наполненным водой котелком, я извлек из своих запасов мешочек с кофе – знаю, что дорого, но побаловать себя люблю, – подождал, пока вода закипит, с удовольствием прикончил большую чашку и блаженно вытянулся на травке, прикрыв глаза. После завтрака да дозы «Кошмара» часок вздремнуть – самое оно.

Не тут-то было.

Что-то твердое тут же ткнуло меня в бок. «Чем-то» оказалась симпатичная ножка в сапоге.

– Это еще что такое? А ну-ка, вставай! Ты и так только-только вернулся из мира грез на землю, а по моим планам до вечера мы должны быть в нужном месте.

– В *мои* планы ничего похожего не входит, – промычал я, приоткрыв левый глаз.

– Ошибаешься. Со вчерашней ночи – входит.

– С чего бы это?..

– С того, что я так сказала. А ты, между прочим, у меня на службе.

От неги не осталось и следа; я вскочил, будто меня укусила коралловая гадюка.

– Что ты там сказала насчет службы? – едва смог вымолвить мой несчастный речевой аппарат.

Вместо ответа Глорианна извлекла из своей сумки сложенный вчетверо лист дорогой гербовой бумаги. Затем онный лист был элегантно-издевательски протянут мне вкупе с весьма многообещающей улыбочкой. Ну-ну, почитаем.

«Трудовой контракт»

*Составлено в г. Райская Дыра, *** месяца *** года ****

Сэдрик из Сосновой Долины, именуемый в дальнейшем „Работник“, и Глорианна из Гройдейла, именуемая в дальнейшем „Работодатель“, именуемые в дальнейшем „Стороны“, находясь в здравом уме и твердой памяти, заключили настоящий Контракт о нижеследующем:

1. Работник поступает на службу к Работодателю в должности помощника и телохранителя.

2. Работодатель обязуется на весь срок Контракта безвозмездно предоставлять Работнику одежду, пищу и необходимый инвентарь, а также место жительства и прочее, предусмотренное Положением 1 Общетрудового законодательства Объединения профсоюзных организаций.

3. Размеры вознаграждения (заработной платы) по настоящему Контракту не оговорены и определяются „сдельно“.

4. Настоящий Контракт имеет необратимую силу и вступает в действие с даты подписания Сторонами сроком на три месяца, после чего по согласованию Сторон может быть продлен.

5. Настоящий Контракт составлен в двух подлинных экземплярах, по одному для каждой из Сторон, причем оба экземпляра идентичны и имеют равную юридическую силу.

6. Составлено мэтром Устином, нотариусом г. Райская Дыра, действующим на основании Лицензии №Ю-78940076/4.

7. Личности и подписи Сторон засвидетельствованы жителями г. Райская Дыра Черчиллем и Полом».

Ну Черч, ну сволочь! Я тебе этого никогда не забуду!

Ниже всего вышеперечисленного безобразия красовались: по центру – изящный росчерк со множеством завитушек и круглая печать (нотариус, не иначе), а также косоватые печатные буквы в два ряда (Черч и Пол), слева – твердая и уверенная подпись без каких либо красотей (Глорианна), а справа... Я с трудом сообразил, что три жуткие закорючки плюс две кляксы означают мое имя, а потом столько же вникал в то, что изобразила это моя рука. Правда, почерк у меня всегда был далеко не каллиграфический, но чтобы настолько! Сперва я даже подумал,

что сволочная девица сунула перо в лапу Изверга, но потом вспомнил, что вчера ночью был от пяток до затылка залит алкоголем. О, боги! Что же я наделал! В ближайшее время я не хочу работать ни на кого!!!

Нужно было срочно что-то предпринять.

– Незаконно. Я был пьян, когда это подписывал!

– Контракт является действительным, если он составлен по всем правилам, заверен официально действующим нотариусом и двумя свидетелями, приведенными к присяге, и подписан обеими сторонами, – без запинки отбарабанила девушка. – А в Общегосударственном законодательстве нет ни слова о том, что одна из сторон не может налакаться как свинья! Между прочим, вчера ты клялся, что пойдешь за мной куда угодно...

– И все равно это подлю! Бесчеловечно! Аморально! Ты меня нарочно спаивала весь вечер! И подчиняться я тебе не намерен! А вчера был в таком состоянии, что мог поклясться воскресить свою покойную прабабку!

– Твоя прабабка меня нисколько не интересует. Не хотел бы – не пил. А теперь ты мой слуга, и пойдешь туда, куда я тебе скажу. Платить буду много...

– Я пойду туда, куда захочу, не будь я Сэд! А деньги твои меня не интересуют!

Вот так, твердо, решительно, по-мужски. Я заслуженно гордился собой, но тут девушка сменила тактику.

– Ну, хорошо, можешь идти куда захочешь, – с милой улыбкой образцовой ведьмы пропела она. – Но только учти, милый Сэд: я вернусь в город и немедленно обращусь в ближайшую полицейскую часть. Закон на моей стороне, так что тебя быстро поймают и упекут в тюрьму. А за побег еще и срок добавят.

М-да, крыть было нечем. Такие уж у нас законы: с начала действия контракта и до последнего дня, обозначенного в нем, нанятый обязан заниматься именно тем, на что был нанят. Попробуешь отлынивать или покинуть своего босса хоть на час раньше – загремишь в каталажку. Правда, наниматель тоже становится аналогично обязанным по отношению к тебе. Глорианна теперь не сможет уволить меня, пока не истекут эти три месяца. Но я-то как раз *хочу*, чтобы меня уволили! Немедленно!!!

Ладушки, попробуем по-другому.

– Слуга, значит, – протянул я ласково, вертя в руках злополучную бумагу, – В тюрьму, говоришь?.. Что же, тюрьма – это здорово!

И с этими словами я изящным взмахом руки отправил документ прямо на пышущие жаром угли костра. А сам на всякий случай подвинулся поближе, с тем чтобы перехватить девицу, коли она кинется спасать контракт.

Зря надеялся.

– Очень ловко, – совершенно спокойно похвалила меня маленькая негодяйка, подождав, когда бумага окончательно превратится в пепел. – Возможно, если бы на моем месте был кто-то другой, ты бы и добился своего. Только вот вся беда в том, что я не такая наивная простушка, как ты наверняка считаешь. Сейчас догорает лишь один экземпляр – твой, кстати, так что прими соболезнования. Свой же я оставила в Райской Дыре в надежных руках. Что, не веришь? Тогда – скатертью дорога. В тюрьме, говорят, проти-ивно...

Я просто сердцем чуял, что девушка блефует самым возмутительным образом. Где, скажите, среди ночи, под дождем, в совершенно незнакомом городе, найти надежного человека, к тому же имея на руках пару динозавров и бесчувственного меня? Однако рисковать все-таки не хотелось: в единственной тюрьме, где я успел побывать, мне совершенно не понравилось. К тому же на ум пришло еще одно средство. Кто сказал, что и я не могу блефовать?

– Хорошо, ну а если я просто сверну тебе шею, бездыханный труп спрячу во-он в тех кустах, да и поеду себе спокойно, что тогда?

– О, тогда ты совершенно свободен. Правда, есть два «но». Первое: как только ты попытаешься сделать нечто подобное, вмешается Лака.

Ну, напугала!

– Детка, ты имеешь дело с профессиональным укротителем драконозавров, причем – не последним в своем ремесле!

– И второе, – совершенно не вняла моей браваде Глорианна. – Изверг откусит башку любому, кто попытается причинить вред Лаке.

– Что? Это он-то мне-то?! – я было махнул рукой, но тут мой взгляд упал на умиленно глядящих друг на дружку драконозавров, и холодный пот выступил у меня под рубашкой. Мой Изверг, мой единственный друг, предал меня именно тогда, когда я так нуждался в его поддержке.

Это окончательно сломало мои силы, как моральные, так и физические. В полнейшем ступоре я опустился на землю, не замечая ничего вокруг. Хватит! Отныне парню по имени Сэд совершенно все равно, что с ним будет дальше. Если захотите с меня живьем кожу содрать, – дам рекомендации, откуда лучше начинать!

– Ну что, ты теперь доволен? – достаточно мягко спросила девушка. Правда, в тот момент я обнаружил бы ехидство и издевательство даже в лепете годовалого младенца.

– А что мне еще остается делать, будь ты неладна?! Но разрази меня гром, если я еще хоть раз сяду на эту мерзкую двуличную тварь! – исполненный гневного презрения жест в сторону Изверга прилагался.

Моя новая хозяйка, ничуть не обидевшись на нелестное пожелание в свой адрес, тут же предложила:

– Ради бога. Я могу у тебя его купить, ну, скажем, за сотню. А в ближайшем городе найдешь себе нового.

– Идет, – мрачно кивнул я и, сняв с седла свой походный мешок и меч, пнул предателя в зад.

– Эй, осторожнее! Теперь это моя собственность.

Предостережение было как нельзя вовремя, – в таком состоянии я запросто мог начать драконозавру морду.

Извинившись (перед Глорианной, естественно), я взвалил мешок на спину и зашагал за девушкой. Направлялись мы на восток. Я мысленно поздравил себя с тем, что до ближайшего населенного пункта, по моим подсчетам, часа три-четыре. После стольких лет в седле как-то совсем отвыкаешь долго ходить пешком.

Изверг, видимо, не поняв ровным счетом ничего, схватил меня зубами за штанину, тем самым заставив остановиться. Визгом он давал понять, что удивлен и возмущен тем, что я иду пешком, да еще с вещами. В виде пояснения я слегка двинул ему кулаком в нос и прорычал:

– Убирайся прочь, мерзкий ренегат! Я только что продал тебя и, клянусь правой рукой, весьма выгодно для такой скотины. Так что давай, чеши за своей хозяйкой! Вы вместе здорово смотрите – два законченных подлеца и жулика!

Произнеся эту наполненную горечью фразу, я отвернулся и зашагал дальше. Не стыдась могу сказать – хотелось плакать. Мы были неразлучны восемь лет, бывали в разных переделках, несколько раз спасали друг другу жизнь, – и вот теперь такой финал... Извергу, видать, тоже было паршиво: он уныло плелся сзади, время от времени издавая призывный тоскующий крик, но я был неумолим.

Так мы проехали-прошагали где-то с полчаса. Живописную местность вскоре сменили унылого цвета пустоши, кое-где слабо разбавленные одинокими деревцами, колючими кустами, клочками пожухлого ковыля и одинокими камнями. Глорианна молчала, я тоже как-то не был склонен заводить разговор первым. Хоть бы появился кто...

Накаркал.

Из придорожной канавы выскочили пять грязных и на редкость оборванных субъектов, завывая, как клиенты психушки. Вот только тем, на счастье, не дают в руки кинжалы, дубины и копья. Кстати о кинжалах и копьях: если бы мой дядя Грит увидел, до чего эти недоумки довели свое железо, почтенного оружейника хватил бы удар. Да и вообще: одного взгляда на впавшие щеки, голодные глаза и босые ноги любому зрячему хватало для однозначного вердикта – удача этим горе-воякам не улыбалась с незапамятных времен. Естественно, я не собирался менять положение вещей.

Как бы там ни было, но убивать оборванцев не хотелось – уж больно они были жалкие. Да и вообще, что бы там ни говорили, кровожадностью у нас, в Сосновой Долине, никто не отличался. Выбить пару зубов стулом или сломать ребро при броске об стол – еще куда ни шло. И потом, если ваши кости уступают в прочности какой-то захудалой мебели, то так вам и надо!

Отразив без труда два-три слабых наскока, я классическим апперкотом левой в подбородок отправил ближайшего к себе налетчика в тень. Слава богам, у парня хватило ума не осложнять мне жизнь и дальше, а прикинуться мертвым. Второму достался добрый удар мечом плашмя по запястью. Ржавый кухонный нож с зазубренным лезвием полетел в сторону, бандит схватился здоровой конечностью за поврежденную, отплясывая на месте чечетку и отчаянно богохульствуя. Не давая бедолаге опомниться, я схватил его за шиворот и направил головой вперед аккуратно в непролазные заросли какой-то колючей дряни. Бросок был что надо – разбойник с отрядным для моего уха воем влетел в самую гущу, где и засел, испуская прямо-таки адские крики и стоны. Еще бы, ведь большая часть его шкуры осталась развешанной на шипах.

Пока я таким образом веселился, Лака ударом задней лапы в живот вывела из строя третьего нападающего, а Глори погрозила двум оставшимся на ногах кулаком. Не бог весть какое страшное зрелище, если спросите мое мнение, но дуралеи явно исполнились трепета и почему-то решили, что я куда беззащитнее. Ох, молодежь!

Отвешивая добрую порцию оплеух самому нетерпеливому древком отобранной у него же гвизармы, я споткнулся о нехстати подвернувшийся под ногу камень и растянулся во весь рост. Компаньон моей жертвы тут же решил, что настал наилучший момент для того, чтобы приласкать меня сучковатой дубинкой по ребрам. Но только он замахнулся...

Нечто черное, большое и о-очень недовольное, пролетев над моим распростертым телом, обрушилось на подлеца, сбивая его с ног и частично втапывая в податливую после дождя почву. Угадайте, что я заорал, поднимаясь? Правильно.

– Изверг!

А драконозавр в это время уже обмусолил мне все лицо своим длинным, очень похожим на кошачий языком и, радостно повизгивая, терся об мои колени. После этого я не мог не простить своего верного друга. Потрепав его за уши, я нежно прошептал:

– Ладно, подлиза, я все забыл.

Но оставалось еще одно дело, которое нужно было уладить. К счастью, Глорианна уже подъехала к нам, по дороге деловито ткнув рукоятью кинжала пришедшего было в себя разбойника. Одного взгляда на светящуюся счастьем морду Изверга и мою улыбку ей хватило для вынесения однозначного вердикта:

– Помирились, враги до гроба?

Проглотив издевку, которую лично я вполне заслужил, я кивнул:

– Точно так. Но вот в чем загвоздка: я ведь продал его тебе... Слушай, давай так: ты мне не даешь никаких денег, и Изверг остается у прежнего владельца, а?

– Конечно, я не против, – прищурилась девушка, – но с тебя плюс пятьдесят монет.

– За что? По-моему, ты мне предлагала сотню?

– Совершенно верно, когда продавцом был ты. Теперь ты покупатель, а я назначаю на свой товар цену в сто пятьдесят монет. – Маленькая негодяйка подмигнула: – Это тебе будет уроком, чтобы впредь не принимал необдуманных решений. Ну, как, берешь, или поискать других желающих?

– Даже не надейся, что откажусь, вымогательница ты бессовестная! Только денег у меня все равно нет, – делая нарочно недовольную физиономию, проворчал я, но на самом деле в душе пели фанфары. *Какое счастье, что она не додумалась потребовать миллион!!!*

– Ничего, я вычту это из твоего заработка.

– Кстати о заработке: что значит «сдельно»? Это что, по количеству трупов? А если, скажем, никто не нападает, – мне что, самому головорезов нанимать?

– Можешь не волноваться, неприятностей, судя по всему, будет достаточно и без того, – «обнадежила» меня моя хозяйка. Во что же я вляпался?!..

Прервало мои горестные раздумья недовольное фыркание Лаки.

– Правильно, хорошая моя, мы страшно опаздываем.

И не успел я спросить, куда же мы, собственно, опаздываем, как рыжую драконозавриху и ее всадницу скрыло густое облако пыли. До нас донесся лишь задорный крик:

– Эй, сони! Догоняйте!..

Я вскочил в седло и глубокомысленно изрек:

– Кажется, я начинаю понимать, дружище, почему мы с тобой по уши влипли в это дело. С такой бестией накладно иметь дело даже провидцу – и того обдерет как липку. Лучше уж играть с ней в паре...

Изверг был полностью со мной согласен. Он одобрительно фыркнул, и два старых холо-стяка помчались догонять дам своего сердца.

Глава III

В которой рассказывается о том, как два члена одной семьи с разным результатом пытались совершить побег

Вышеупомянутые дамы припустили только для вида и, удостоверившись, что мы последовали за ними, несколько сбавили темп. Теперь Изверг без особой спешки трусил рядом с Лакой, я же, наконец, решил поговорить с Глорианной начистоту.

– Итак, миледи, я ваш душой и телом... разумеется, на время контракта. Поскольку ранее вы уклонились от моего вопроса касемо оплаты «сдельно», позвольте сформулировать его иначе: чем я буду заниматься у вас на службе?

Ух ты, я и предположить не мог, что знаю такие слова! Что-то со мной явно не то...

– Справедливо, – вздохнула девушка, и мне совершенно не понравилось, как это прозвучало. Сдается мне, что именно такие интонации у доктора, собирающегося *очень* огорчить своего пациента.

– И коли уж я втянула тебя во всю эту историю, то было бы полнейшим свинством держать тебя в неведении.

Надо же! Неужели у этой принципиальной до крайности особы еще иногда просыпается чувство, у нормальных людей именуемое совестью?

Я открыл было рот, собираясь громогласно удивиться этому факту, но, немного поразмыслив, передумал. Мало ли, еще ворона влетит...

Хозяйка же моя, к счастью, была совершенно поглощена своими мыслями (судя по ее мимике – не слишком веселыми), а потому не обратила на мой раскрытый рот ровно никакого внимания. И то ладно.

Наконец, она решилась-таки продолжить:

– Ты, скорее всего, неверишь, но я – принцесса.

Я и на этот раз благоразумно промолчал, хотя удалось это ой как непросто. Ну да, настоящие принцессы именно так и поступают. Они в одиночку шляются ночами под проливным дождем, залетают во второсортную таверну и с ходу нанимают на работу самого большого и пьяного парня, которого, к тому же, первый раз видят. Да и вообще, неужели по мне не видно, что я всю жизнь путешествую в компании принцесс?!

– Между тем это истинная правда.

Девушка, сидя в седле, попыталась сделать подобие реверанса:

– Милостивый государь Сэдрик, вы имеете счастье лицезреть старшую (впрочем, и единственную) дочь короля Гройдейла, наследную принцессу Глорианну Теодору Нахаль-Церберскую. Слыхал?

– Про дочь – нет, а Гройдейл – это малюсенькое государство на востоке, рядом с Гномьим Княжеством и Тилианой, – блеснул своими познаниями я. – Оттуда родом Фиолетовый Юстас был...

– Точно. И, раз уж ты у нас такой знаток географии, то как насчет местечка под названием Спящие Дубравы?

Оп-паньки! Кажется, я начинаю догадываться, на какую работенку подрядился. По какой-то роковой случайности (смешению градусов, дождливой погоде, злему наговору) я почти слово в слово запомнил услышанное в «Золотой кружке». И воспоминания эти были далеко не радостными. Не иначе, как меня попросят этому... Френгису, что ли, хвост накрутить...

– Кое-что слышал, – осторожно начал я. – Только раз уж ты начала рассказывать о себе...

– Надо же, мне, оказывается, повезло, – искренне удивилась первой части моей фразы девушка. – Сама-то я знаю об этих самых Дубравах только две вещи: их название и то, что там, скорее всего, пропал мой папа.

– Угу, – пробормотал я, – Что?!!

– Мой папа, – терпеливо, чуть ли не по слогам проговорила девушка, – Король Гройдейла Лейпольд Четырнадцатый.

– Это я как раз понял. Не совсем ясно насчет Дубрав и «пропал». Короли, знаешь ли, не пропадают как простые смертные. Им этикет не позволяет.

– Надо же, а ты у нас еще и эксперт по королевскому поведению? – огрызнулась Глорианна и обиженно отвернулась. Через пять минут молчанки я не выдержал и извинился. Еще через пять минут меня простили.

– Как бы там ни было, а папа действительно пропал почти полгода назад. Причем – весьма таинственно. Доподлинно известно, что он пошел перед сном в свой кабинет немного поработать, и с тех пор его никто не видел. У меня есть все основания считать, что он отправился в Спящие Дубравы. Или кто-то оттуда его выкрал.

Я выразительно сплюнул на ни в чем неповинный листок подорожника и попытался выразить свою мысль как можно более мягко:

– Все, что я могу тебе сказать – хорошенькие порядки в этом вашем Гройдейле! Исчез законный правитель, и есть предположения, где его искать. Единственный, кто до этого додумался – его дочь, которая не так давно перестала в куклы играть...

Тут я перехватил гневный взгляд Глори и понял, что хватил лишку. Взгляд этот прямо предупреждал, что я и сам не патриарх, и если в самое ближайшее время не исправлюсь, то могу нарваться... Ух, уточнять, на что, не хотелось.

Поэтому я поспешно добавил:

– Ну, это я так, красного словца ради, – и с блеском закончил: – *Чушь собачья!*

Как бы разделяя мои слова, уже давно прислушивавшийся к разговору Изверг громко фыркнул, но Лака тут же ткнула его за ухо, говоря этим: «Не лезь!» – и он послушно заткнулся.

Глорианна вздохнула:

– Ты прав, если бы мне рассказали нечто подобное, я бы отреагировала примерно так же. Она немного подождала моего сочувствия, но, так и не дождавшись, продолжала:

– Видишь ли, в Гройдейле сейчас не все в порядке. Ты сам упоминал о гномах и должен знать, что мы с ними никогда не ладили.

«Не ладили» – это еще мягко сказано. Распря Княжества и вотчины моей попутчицы тянется уже веков семь, и конца-края этому не видно. И даже древние хроники не могут прямо ответить, кто же в этом споре прав: гадостей за столько лет было предостаточно с обеих сторон. Впрочем, на одном только Гройдейле свет клином не сошелся – просто маленькие бородатые поганцы испокон веков собачились со всеми подряд. Такой уж у них сволочный характер.

– Папа никогда особенно не распространялся в моем присутствии о внешней политике, но, сдается мне, сейчас наши отношения с Княжеством совсем никуда не годятся. Гройдейл, как ты сам сказал, – государство небольшое, и если начнется заваруха, то каждый воин будет на счету. Именно поэтому я сама отказалась от любого эскорта, когда отправилась на поиски.

– Извини, я, конечно, тронут твоей самоотверженностью и все такое, но не может ли стать так, что старина Лейпольд просто устал от возни с бородатыми и решил устроить себе внеплановый отпуск. Лично я бы на его месте это особенно не афишировал. Или же – да прости меня твоя уважаемая матушка – просто подружку себе завел. На стороне.

Стиснув зубы, девушка отрицательно мотнула головой:

– Исключено.

– Что так?

– Мама умерла несколько лет назад. С тех пор, насколько я знаю, отец ни разу не взглянул дважды на одну и ту же женщину. Хотя кое-кто из придворных неоднократно намекал ему на необходимость повторного брака.

Я немного смутился:

– Извини, я...

– Проехали! – отрезала девушка. – Разумеется, ты не знал, да и я уже привыкла. В конце концов, я уже взрослый человек и понимаю, что нестарый еще мужчина не может вечно быть один и до конца жизни оплакивать ушедшую любовь. Я бы даже обрадовалась, если бы у него кто-нибудь появился... наверное...

Немного помолчав, она рубанула воздух ладонью:

– Ладно, продолжаю. Поверь мне, отец никогда бы не поступил так, как ты предположил. Может быть, как монарх он был и не идеален, но страну в тяжелые времена не бросал. И потом тебе не кажется, что полгода – чересчур даже для самого широкомасштабного загула?

– Так-то оно так, да только кто тебе сказал, что с ним все в порядке. Не хочется сгущать краски, но в любом кабаке у тебя вряд ли спросят имя, а тем более – титул, прежде чем ткнуть ножом. Одним словом, откуда у тебя такая уверенность, что твой старик, во-первых, жив, и, во-вторых, подался именно в Дубравы?

Похоже, что я крепко заинтересовался этой историей. От нее прямо-таки веяло добрым приключением. А, как говаривала матушка: «Коли не можешь отбиться и убежать – постарайся расслабиться и получать удовольствие».

Глорианна покопалась в седельной сумке и помахала в воздухе извлеченной оттуда растрепанной книгой в кожаном переплете.

– Вот, я нашла его дневник. Странно, что он не взял его с собой. Впрочем, это еще один аргумент в пользу того, что отец покинул замок не по своей воле... Но, как бы там ни было, за несколько дней до исчезновения в дневнике есть намеки о каком-то загадочном письме, нелегком выборе и гномах, которые «держат его за горло». А последняя запись датирована именно тем самым днем. Она гласит, что отец стоит перед какой-то проблемой, которая может быть разрешена только после путешествия в Спящие Дубравы.

– Ну и отлично. Только к чему такая скрытность? Король он, в конце концов, или где? Взял бы корабль, команду, сплавал куда надо...

– Я же тебе сказала, что сейчас не то время. Он не мог лишить страну и десятка защитников! – девушка повысила тон.

– Ага, а потихоньку сделать ноги и лишить эту самую страну руководителя накануне войны, по-твоему, лучше?! – не остался в долгу я.

Рука, сжимающая повод Лаки, непроизвольно дернулась. Чует мое сердце, она хотела познакомиться с моей физиономией. Но нервы у малышки оказались крепкие.

– Да ну тебя! – только и буркнула она. – Чего ты на него взъелся?

– Нужен он мне больно! Я просто пытаюсь найти малейшую отговорку, чтобы только не тащиться в Спящие Дубравы, – вполне искренне ответил я.

– И не надейся. А что вдруг такая робость?

Вот тут-то я и выложил ей все, что слышал от Носителя-Хламида-Исчезающего-Странным-Образом. Глори слушала, не перебивая.

– Вот такие дела, – закончил я. – Тебе по-прежнему туда хочется?

Наморщив носик, она медленно кивнула.

– Учитывая то, в каком состоянии я тебя обнаружила в таверне, вся эта чудесная история могла тебе присниться. Я, скорее всего, так бы и подумала, но...

– Но что?

– Но во всех книгах, в которых упоминались Дубравы, говорилось, что место это сверх-таинственное и зловещее.

Та-ак, это приключение обещало быть *очень* занимательным...

– И что там еще говорилось?

– Разные недомолвки да намеки. Например, в одной из таких работ, написанной века четыре назад, утверждалось, что в Спящих Дубравах можно встретить любого из ста семидесяти трех известных людям монстров, включая Большого Волосатого Ы.

М-да, всю жизнь мечтал познакомиться с этим парнем. Тот еще должен быть душка, судя по описаниям... стоп! Ну конечно же! Я наконец-то вспомнил, откуда мне известно название «Спящие Дубравы». Именно отправившись туда без вести пропала исследовательская экспедиция, возглавляемая самым известным путешественником и героем моего детства – сэром Андресом Ганссеном!

Я еще раз восхитился про себя девушкой, решившей в одиночку отправиться в подобное местечко. Хотя, почему это «в одиночку»? Хочешь не хочешь, а одному моему хорошему знакомому по имени Сэд придется ее сопровождать.

Несколько успокоив себя тем, что все равно ничего не изменишь, я решил сменить тему разговора:

– Ладно, если твой старик и вправду там, то до этих мест еще добраться надо. А лично я слабо себе представляю, где оные Дубравы находятся. Судя по рассказу того купца, это какой-то остров. Может, у тебя есть более точные координаты?

Девушка энергично кивнула:

– У меня есть карта. Точнее, не вполне карта, а схематическое изображение, которое я без зазрения совести вырезала из все в той же древней книги. Надеюсь, папочка меня простит... Когда остановимся в Хойре, я тебе ее покажу.

– Ага, значит, вот куда мы направляемся?

– Угу. Для начала – именно в Хойру. Там ты, конечно, тоже был?

Не хотел я издеваться, но она сама напросилась. Нечего было вкладывать в эту фразу столько сарказма... Одним словом, я честно ответил на поставленный вопрос, в результате чего до самого города наслаждался обществом *очень молчаливой* девушки. Правда, это не мешало мне время от времени ловить на себе ее стремительный взгляд.

Черт возьми, похоже, я крепко попался на этот раз. Весь расклад ясно давал понять, что меня везут куда-то, где весьма высока вероятность потерять и уже больше не найти голову. Мою, прошу заметить, любимую голову. Однако именно этот факт меня тогда волновал чуть ли не меньше всего. С нарастающим ужасом я чувствовал, что сам готов заплатить любые деньги, лишь бы Глори позволила себя сопровождать хоть в Дубравы, хоть на Луну, хоть в объятия Большого Волосатого Ы. Похоже, это была... ну да ладно!..

Самое смешное, что в Хойре я не только бывал, но и жил там пару лет. А поскольку все это время служил в тамошней гвардии и летал на орлодоне – город знал вдоль и поперек. Никаких светлых воспоминаний моя служба после себя, понятное дело, не оставила. Характер любого орлодона можно описать несложным буквенным сокращением «ТТТ». Это значит – «Тошнотворно Тупая Тварь». Да и вообще, раз на то пошло, я всегда предпочитал твердую землю воздушной стихии. Вот так – без всякой романтики, зато куда меньшая вероятность сломать себе шею! Впрочем, и пешим ходом работа гвардейца тоже совсем не сахар, и вот почему.

Хойра (само собой, основанная разведчиками королевы Зензириты Салийской. Так, кажется, звали ее бабушку) относится к тем городам-государствам, которым прочат стать началом империи. Плодородные равнины в самом центре цивилизованного мира плюс контроль над двумя главными речными артериями материка – это вам не шутка. Единственный минус представлен в лице Вольных Рыбаков, или, говоря проще, речных пиратов. Конечно, гвардия Хойры тоже не сидит сложа руки, это я могу лично засвидетельствовать, но ведь всех не переловишь... К тому же, свято место пусто не бывает, а в связи со всем перечисленным лихие

ребята на реке плодятся как крысы. Короче, если ты купец, и сунулся в дельту без охраны, то сам себе злобный баклан!

Мысли о старых временах настолько подняли мне настроение, что я рискнул-таки заговорить первым. С первого же раза попытка увенчалась успехом.

– Поскольку с экспедицией по спасению заблудших монархов дело решено, скажи-ка мне вот что: неужели больше никто не разделит с нами славу первопроходцев Спящих Дубрав? Раз уж ты не хочешь жертвовать соотечественниками, то здесь достаточно сорвиголов, готовых за вполне приемлемую сумму на любую работу, начиная от истребления тараканов и заканчивая дрессировкой всех ста с чем-то видов монстров. Могу порекомендовать кое-кого.

– Видишь ли, – девушка явно смутилась, – оно бы и неплохо, да только денег у меня совсем не так много, как хотелось бы. Война ведь...

– Ага, ясно. Значит, предполагаемых кандидатов в самоубийцы планируется предварительно опаивать до бесчувствия.

Ну вот, как всегда: брякнул прежде, чем подумал. Девушка сжала зубы и взглянула на меня исподлобья:

– Будешь мне об этом каждый день напоминать, или как? – хмуро поинтересовалась она.

«А ты чего хотела?!» – уже собирался вякнуть я, но почему-то передумал. То ли не хотелось портить отношения, когда они только-только стали налаживаться, то ли причина была в другом – не знаю. Одним словом, мы оба тогда замяли неприятную тему, и это здорово все изменило... хотя лучше рассказывать все по порядку.

Гостиница «Гордость Хойры» ничем не отличалась от «Гордости Бутырры», «Гордости Ланжа» и еще десятка подобных местечек, известных мне в других городах. Конечно, на звание «гордости» она не тянула, но, с другой стороны, в Хойре было достаточно заведений куда хуже. По крайней мере, комнаты тут были без клопов, белье более-менее свежим, ужин – сносным, а посетители могли спокойно спать по ночам, не опасаясь за сохранность своего здоровья и кошелька. По мне желать большего – уже снобизм.

Портье за стойкой с ключами от номеров, критически оглядев мой непрезентабельный внешний вид, буркнул: «Свободных комнат нет» и стал скучающе смотреть в сторону. Я уже собирался громко возмутиться по этому поводу, как вдруг его лицо расплылось в учтивейшей улыбке, адресованной кому-то за моим плечом. Ну да, наша принцесса... Царственно глядя на портье, девушка ткнула в меня пальчиком и важно произнесла: «Это со мной». Естественно, две комнаты друг напротив друга сразу нашлись. Поднимаясь по лестнице, я с улыбкой заметил Глори:

– Очевидно, в твоём присутствии в гостиницах всегда находятся свободные номера...

– А в твоём присутствии, очевидно, гостиницы закрывают на санитарную обработку, – огрызнулась она. – Иди и вымойся как следует.

– Денег дай! – не остался в долгу я. – Если даже свою первую зарплату я еще не заслужил, то по контракту ты должна меня содержать. Или ты о нем вспоминаешь только когда тебе выгодно?

С трудом (как мне показалось) сдержав гневный ответ, Глорианна молча протянула мне пять серебряных роблоров. Ого! Не так уж плохо за день работы! Больше мне платили только на службе у одного капризного лорда, откуда я сбежал через две недели. Именно после того случая я и угодил в тюрьму.

Впрочем, мои радужные мечты весьма быстро рассеялись.

– Это тебе на десять дней. И, ради всего святого, постарайся не пропивать сразу все!

Не успел я найти, что бы ответить, как девушка захлопнула перед моим носом дверь.

Злой как мающийся геморроем тролль, я зашвырнул в свою комнату сумки и решительно направился в пивной зал с твердым намерением назло этой выскочке спустить все до медяка. Пусть знает, с кем она связалась! Но не успело содержимое первой кружки пива устроиться

в моем желудке, как... Ну, в общем, мне стало стыдно. Ей богу, ну что эта малышка знает обо мне? То, что видела сама (здоровенный парень, который в пьяном виде обладает теми еще манерами, а в трезвом лихо дерется и грозит свернуть беззащитной девушке шею), а так же то, что могла узнать от того же Черча и прочих жителей Дыры (ой, представляю!). Короче, картина та еще. А девочка и без того в паршивой ситуации, одна в целом мире, и кроме как на Лаку ей не на кого опереться.

Я решительно встал из-за стола и направился к комнате Глори. Однако дверь оказалась закрытой, и на мой стук никто не отвечал.

Немного подумав, я выудил из сумки свежий комплект одежды и решительно направился к портье. Как я и ожидал, на заднем дворе, располагалась маленькая баня и цирюльня для посетителей гостиницы. Как следует отмокнув в горячей воде, удалив с лица трехнедельную щетину, в скором времени грозившую превратиться в неопрятную бороду, а заодно и подравняв волосы, я вернулся в «Гордость Хойры» совсем другим человеком. По крайней мере портье, выдавая мне ключ от комнаты, взглянул на меня с явным одобрением.

Дверь в комнату Глори по-прежнему была закрыта.

Вновь спустившись вниз, я рискнул, пользуясь случаем, разговорить портье:

– Вы случайно не в курсе, куда запропастилась моя спутница?

Заговорщически подмигнув, тот двинул ко мне через стойку узенький бумажный конверт.

– Ушла часа два назад. Просила передать вам это.

– Так почему же вы передаете только сейчас? – с нехорошими предчувствиями спросил я.

Портье многозначительно ухмыльнулся:

– Таково было пожелание юной леди. Передать вам записку, но не раньше, чем вы поинтересуетесь, где она. Слово в слово. Что-нибудь случилось?

– Пока не знаю, – проворчал я, усилием воли поборов внезапно нахлынувшие дурные предчувствия и вскрывая конверт. – Надеюсь, что нет.

М-да, что называется – коротко и ясно. Хотя с чего я взял? Как раз ни лучшего не ясно! В конверте лежал листок бумаги, посередине которого было торопливым почерком нацарапана всего одна строчка:

«А иди ты... куда вздумается!!!»

С минуту я тупо смотрел на записку, потом сквозь зубы прорычал кошмарное гномье ругательство и схватил портье за грудки:

– Куда она пошла?!

– Не знаю! – придушенно прохрипел тот.

– Одна?!

– Да!

– С вещами?!

– Да, да! Сударь, помилуйте! Вы же меня задушите!

Уронив бедолагу на его стул, я швырнул на конторку ключ и метнулся к двери.

На улице я осознал, что у меня нет ни единой мысли, откуда следует начинать поиски. Прежде всего я бросился в конюшню, где мы оставили драконозавров. У меня еще теплилась дурацкая надежда, что все это – неудачный розыгрыш.

Надежда эта, как ей и положено, скоропостижно сдохла. Изверг был на месте, а вот Лака... Ухаживающий за драконозаврами золотушный паренек, получив монету, согласно закивал. Да, описанная мною девушка была тут. Да, часа два назад. Да, оседлала свою рыжую самку, приторочила к седлу сумку и уехала. Нет, ничего не сказала. Нет, не заметил.

Я вытер вспотевший лоб и обвиняюще посмотрел на Изверга.

– Ты что, так прямо их и отпустил?

Как ни странно, мой приятель не выглядел ни виноватым, ни даже встревоженным. Такое ощущение, что он предвидел все случившееся, знал, что нужно делать и лишь терпеливо дожидался, когда до меня, тугодума, тоже дойдет. Вся штука в том, что до меня упорно не доходило.

Я только-только закончил прилаживать на спине Изверга седло, как послышалось требовательное фыркание и радостный голос паренька:

– Эй, а вот зверь той девушки, про которую...

Я моментально обернулся и увидел стоящую в дверях Лаку. Седла на ней не было, на шее болтался огрызок веревки, а морда была жутко довольной. Подойдя поближе, драконозавриха сперва потерлась о нос Изверга, потом ткнулась в мою ладонь и не спеша пошла к выходу. Мы переглянулись и двинулись за ней.

Со стороны мы, должно быть, смотрелись презабавно: два умильно поглядывающих друг на друга драконозавра – на флангах, ваш покорный слуга с крайне решительным выражением лица – в центре. По крайней мере, дорогу нам без единого писка уступали все – от пешеходов до почтовых экипажей.

Отмахав с полкилометра и немного попетляв в запутанных улочках Старого города, мы остановились перед двухэтажным постоялым двором, помнившим, должно быть, еще основателей Хойры. Лака решительно обогнула дом и направилась в сторону конюшни.

– Вот ты где, негодная девчонка!

Сгорбленный старик-грум всплеснул руками, увидев драконозавриху, потом заметил меня, и улыбка сползла с его лица. Придав себе наиболее солидный вид, я подбросил старику медяк:

– Ты не в курсе, в какой комнате остановилась ее хозяйка?

Повертев между пальцами мою монету, старый хрыч прищурился:

– А тебе-то что до того?

Я кинул ему вторую и пояснил:

– Мы завтра женимся. Только она сегодня ни с того ни с сего разнервничалась, чего-то испугалась и убежала. А ее красавица меня нашла и сюда привела.

– Да, это бывает, – беззубая улыбка вновь появилась на лице грума. – Моя старуха, помню, тоже перед свадьбой все боялась, м-да...

Такое многозначительное окончание фразы явно давало понять, что сейчас дедом овладел склероз, вылечить который никак нельзя без еще одной монеты. Я скрипнул зубами и раскошелился.

– Дай тебе боги, сынок! В десятом твоя невеста, в десятом. Прискакала давеча, я, говорит, у вас в десятом остановилась, чтоб за моей подружкой как следует...

Не слушая окончания фразы, я выбежал вон, влетел в гостиницу, в два прыжка преодолел пятнадцать некрашенных ступенек и какого-то перепуганного постояльца и толкнул дверь с грубо намалеванной белой десяткой. Заперто. С замиранием сердца я постучал. Нет ответа. Неужели надул? Еще громче.

– Ну, кто там еще?

Слава богам! Она здесь!

– Глори... – демон, у меня, кажется, голос сел.

– Сэд?..

– Да, я. Открой, пожалуйста.

Голос девушки звучал странно глухо:

– Я что, недостаточно понятно написала?

Ну, спросила!

– Да нет, вполне. Только вот мне вздумалось идти вот сюда и напоследок перекинуться с тобой парой слов. А поскольку говорить через дверь я не приучен, выбирай: или ты откроешь, или я ее вышибу.

Через минуту, когда я уже был готов выполнить свою угрозу, звякнула щеколда и дверь распахнулась. Похоже, несмотря на покрасневшие и слегка припухшие глаза, настроена девушка была весьма решительно. Но не успела она и рта раскрыть, как я рявкнул:

– И как это все следует понимать?!

Пожав плечами и стараясь выглядеть равнодушно, Глори ответила:

– Это следует понимать так: ты совершенно свободен.

Эта простая фраза подействовала куда сильнее пинка, коим меня наградил Изверг при первой попытке его оседлать. А ведь тогда я, помнится, неделю лежал пластом и охал.

– Не понял, – пробормотал я, запинаясь на каждой букве.

– Зато я многое поняла. Давай сделаем вид, что ничего такого не было и мы познакомились пару минут назад. Потом пожелаем друг другу удачи и мирно разойдемся в разные стороны.

Час от часу не легче! Я подставил носок сапога, не давая девушке закрыть дверь, и ляпнул первое, что пришло в голову:

– Эй, одну минутку! А как насчет твоего экземпляра контракта?

Девушка горько усмехнулась:

– Разумеется, я блефовала. Никакого доверенного человека в Дыре у меня не было и нет. А мой экземпляр два часа назад превратился в пепел. Если хочешь, пошарь в камине.

– Чего я хочу, так это ехать с тобой. Сам. Добровольно.

– Бред.

– Нет, бес тебя дери! Бред – это то, чем ты тут занимаешься! – разозлился я не на шутку. Еще ни одной девчонке не удавалось отшить меня под столь возмутительным предлогом. – В-первых, ты плохо знаешь мир и без меня пропадешь.

– Ну, это мы еще посмо...

– Во-вторых, – продолжал я, не дав ей закончить и повышая голос, – Изверг скинет меня со спины, но не позволит ехать куда-нибудь еще, кроме как за Лакой! А в-третьих, у меня к тебе есть деловое предложение: мы с тобой сейчас идем к бургомистру и официально регистрируем паевое товарищество. Ты – старший компаньон, я, так и быть, соглашусь на роль младшего. Все возможные прибыли делим пополам. Нет больше хозяек и слуг, а если ты только заикнешься о жаловании, я тебя отшлепаю!

Все это я выпалил на одном дыхании и теперь с тревогой ожидал результатов. Ура! Щеки девушки слегка порозовели.

– Паявое товарищество? У тебя что же, деньги есть?

– Есть. Отбросив мелочевку – целых три роблора серебром.

– Ты самый сумасшедший человек из всех, кого я видела! – покачав головой, заявила она.

– Это «да» или «нет»?

– Вместо прибылей ты, вероятно, получишь одни неприятности...

– «Да» или «нет»?

– Ну, допустим, «да», – сдалась Глори. – Но ты все равно не представляешь себе, на что напрашиваешься.

– Не-ет, – беспощадно добил ее я, – это *ты* не представляешь, на что напрашиваешься! Если по дороге ты еще раз решишь тихонько смыться, то знай: я тут же потопаю напрямик в ближайший полицейский участок, чтобы заявить на свою хозяйку. Представляете, люди добрые: она, негодная, хочет меня уволить, едва только взяв на работу! Никакого уважения к законам! А за побег, между прочим, срок добавляют.

На лице Глори мелькнуло удивление, но уже через долю секунды оно сменилось неподражаемой озорной улыбкой:

– И чем же ты это докажешь, дорогой компаньон? Контракт был составлен в двух экземплярах, и оба сгорели.

– Точно. И сожгла их ты, чтобы замести следы. Но, по счастью, в городке Райская Дыра живет нотариус по имени Устин. А в его регистрационных книгах, которые он, как официальное юридическое лицо вести обязан, наверняка сохранилась соответствующая отметка.

Девушка опустилась на стул и комически схватилась руками за голову:

– Ну, знаешь! Я в жизни не сталкивалась с таким расчетливым и бессовестным шантажистом!

В ответ я, окончательно обнаглев, склонился к ее руке в изящном поклоне:

– Ваше высочество, у меня была превосходная учительница...

Глава IV

В которой рассказывается о том, как я избирал начальника гвардии, а так же о том, до чего могут довести худая память и отсутствие часов.

Итак, тем знаменательным вечером с обоюдного согласия вкладчиков в городе Хойра было основано паевое товарищество «Глори и К°» – эдакое объединение спасателей королей, ищущих на свою шею приключений. Причем, кто в данном случае больше искал эти самые приключения, – короли или спасатели – для меня до сих пор остается загадкой.

После подписания документов и уплаты полагающейся пошлины, Глори категорически заявила, что такое событие в жизни случается не каждый день, посему мы немедленно отправляемся ужинать. В самый большой и дорогой ресторан. Чтобы были свечи, цветы, лобстеры на серебряном блюде и ананасы в шампанском. Я представил себя в ресторане, где отродясь не был, среди расфуфыренных франтов и официантов, за вечер зарабатывающих больше, чем я за неделю, и ударился в тихую истерику.

– В ресторане с мечом на поясе я буду смотреться глупо...

– Прикинься телохранителем.

– Телохранители не сидят за одним столом с господами.

– Тогда оставь меч в гостинице.

– Без меча я не привык.

– Ужинаешь же ты без него в гостинице.

– Вот именно, – я решил сменить тактику. – Ужин при свечах можно устроить и в наших комнатах...

– А лобстеры?!

– От лобстеров бывает изжога...

– А ананасы в шампанском?!

– Можно заказать и на кухне при гостинице...

– А цветы?!

Что ж, если я твердо решил не идти в ресторан, то на этот вопрос существовал единственный верный ответ. Я, ни слова не говоря, метнулся через улицу, подлетел к торговке цветами и ухватил самый роскошный букет. Швырнул один из своих роблоров и, не дожидаясь сдачи, кинулся обратно. Тетка поймала монетку на лету и проводила меня улыбкой, полной снисходительного умиления: ей, видать, не впервой было наблюдать подобные картины. Тем более, что букет стоил чуть ли не вчетверо дешевле, чем я за него заплатил.

Вернувшись к Глори, я со всем возможным изяществом опустился на одно колено и протянул девушке цветы. Разумеется, она не устояла: уткнулась носом в букет, потом вознесла очи горе и простонала сквозь смех:

– И с такими манерами он не хочет идти в ресторан!..

Ужин был великолепен. Свечи горели, цветы благоухали, лучшие блюда местной кухни, если спросите мое мнение, ничуть не уступали ресторанным. Глори получила-таки свои ананасы в шампанском (хотя за ними, поздним вечером, и пришлось побегать), я же удовольствовался бутылкой совсем недурственного «Порто». За едой мы непринужденно болтали, рассказывая друг другу забавные истории из своей жизни. Странно, но даже для таких разных людей, рожденных и выросших в абсолютно противоположных социальных слоях, у нас оказалось чересчур много общего во взглядах.

После кофе с пирожными и бренди на десерт, мне, как и было обещано, предъявили пожелтевшую от времени книжную страницу с той самой древней картой. М-да... Девушка здорово перехвалила этот образчик изобразительного искусства – карта оказалась *чертовски* старой и неточной. То ли автор ее был чудовищно невежественным, то ли с момента выхода книги знания об окружающем мире весьма и весьма расширились. Даже если не брать в расчет полное отсутствие едино выдержанного масштаба, доброй половины рек и прочего, само очертание материка выглядело редкостно неприлично.

Впрочем, Спящие Дубравы на карте действительно были отмечены, хотя, если бы не подпись, я бы счел крохотный островок в океане обычной кляксой. Ближайшим к ним населенным пунктом был город-порт Рохет... ну да, конечно! В этом шедевре он располагался на берегу океана. Реальный же Рохет, если мне память не изменяет, испокон веков стоит на берегу Внутреннего моря. И чтобы попасть в Спящие Дубравы, будь они неладны, если действительно существуют, нам нужно пересечь оное море, а потом отмахать изрядное расстояние по суше, прежде чем мы достигнем непосредственно океана.

Глори дала мне понаслаждаться рукописным шедевром пару минут, потом вытащила из сумки современную карту, разложила на столе рядом, и мы, голова к голове, принялись выяснять предстоящий нам маршрут.

Через час, вволю наспорившись и накричавшись, мы отодвинули карты в сторону – уставшие, но довольные. А еще, как мне показалось, ужинать за этот стол сели два посторонних друг другу человека, а поднялись – хорошие друзья. Совсем неплохо для начала!

– Что ж, – зевнула девушка, изящно прикрыв рот ладошкой, – завтра принимаемся за работу. Надо столько всего купить – путь-то неблизкий.

– Отлично. Но этим, если ты позволишь, мы займемся после полудня.

В глазах Глори сверкнули смешинки:

– Ой-е-ей! А ты, оказывается, здоров поспать!

– Еще чего! – вполне искренне возмутился я. – Просто с утра мне нужно проверить одну догадку.

– Догадку? Какую?

Я загадочно прищурился:

– Не забивай себе голову. Утро вечера мудренее.

Против моего ожидания, девушка не стала настаивать. Она потянулась и с улыбкой произнесла:

– Ну что ж, тогда спокойной ночи... компаньон!

Я поднялся еще до рассвета. Проходя мимо закрытой двери в комнату Глори, я не удержался и фыркнул: судя по всему, моя компаньонка спала, не чуя ног. Тем лучше. Там, куда я намеревался отправиться, принцесса была бы мне лишь обузой.

Спустившись вниз и вручив заспанному портье ключ, я не удержался от шалости и оставил для Глори записку. Разумеется, с просьбой вручить не раньше, чем девушка обо мне спросит. Записка моя гласила:

«Не волнуйся, я в Управлении правопорядка. Жди к обеду».

Приняв конверт, портье взглянул на меня с явными сомнениями в моем умственном благополучии. Он даже рот открыл, чтобы что-то возразить, но потом передумал. Я, впрочем, настаивать не стал. Ну да, все верно. Мы так развлекаемся.

Написал я девушке чистую правду. Мой путь лежал в гвардейскую часть, в которой я оттрубил два года. И дело касалось как раз той самой догадки, о которой я говорил накануне вечером.

Чтоб вы знали, покой граждан Хойры охраняет сразу две организации. Во-первых, есть городская стража, которая патрулирует улицы, хватает воров, мошенников и мелкую шпану,

разрешает бытовые конфликты, а также курирует бордели, игорные дома и питейные заведения. Ну и, само собой разумеется, стережет правительственные учреждения вроде мэрии, здания городского суда и тюрьмы. Всем остальным занимается гвардия – элитные части, которых в городе не так уж много. Даже не беря в расчет уже упомянутых мной ранее пиратов и контрабандистов, работы хватает.

К счастью, знакомая до боли двухэтажная коробка грязно-серого цвета находилась менее чем в двух кварталах от «Гордости Хойры». Лихо притормозив Изверга у парадного, я немного подумал и решил по старой памяти зайти со служебного входа, куда гражданским вход заказан. Конечно, в настоящий момент мы с Извергом тоже формально относились к «гражданским», но я на условности всегда чихал, а он – и подавно.

Одним словом, я обогнул здание Управления, прошел под аркой и попал во внутренний двор. Здесь мы обычно привязывали своих драконозавров. Удивившись тому, что в такой час у коновязи нет ни единого зверя, я захлестнул поводья вокруг столба и направился к крыльцу.

– Эй, ты! – проревел кто-то за моей спиной. – А ну живо убирай отсюда свою скотину!

Обернувшись, я увидел весьма крупного (впрочем, поменьше меня) мужчину на весьма крупном (впрочем, поменьше Изверга) драконозавре. Оба лучились самодовольством, оба были увешаны оружием, оба демонстрировали явную принадлежность к гвардии. Обоих я видел первый раз в жизни.

– Привет, приятель, – вежливо поздоровался я. Гвардеец и его зверь презрительно фыркнули в унисон. Это подразумевало, что «всякие там штафирки нам не приятели». Я пожал плечами и пошел дальше.

– Ты оглох что ли?!

Я вновь обернулся.

– Извини?

– В задницу свои извинения засунь, понял! Убирай драконозавра, кому сказано! Это мое место! А вход за углом!

– И давно?

– Что?

М-да, то-то мне сразу показалось, что парнишка малость туповат...

Я спустился с крыльца обратно и подошел к сквернослову, который спешил и стоял руки в боки, почти вплотную.

– Это место твое давно?

Видимо что-то в моей интонации насторожило грубияна, поскольку он отступил на шаг назад и положил руку на привешенную к поясу дубинку.

– Два месяца. А теперь...

– А теперь, – перебил его я, – слушай сюда. Я занимал это место два года. И хотя сейчас я не ношу форму, но в прошлом отправил за решетку втрое больше опасных преступников, чем тебе лет. Посему я имею право привязывать своего драконозавра в любом месте вокруг этого здания. А если захочу – то и внутри!

– Да кто ты тако...

– Меня зовут Сэд. Сэд из Сосновой Долины. Порасспрашивай на досуге стариков.

С моей точки зрения разговор был окончен. Но этот надутый индюк со мной не согласился.

Не успел я вновь повернуться к крыльцу, как гвардеец схватил меня за плечо, громко-гласно обещая «отделать так, что родная мать не узнает». Хм, сразу видно, что он не знает мою матушку. Ей меня, бывало, чуть ли не по частям приносили – и ничего...

В общем, через пару минут я таки вошел в здание.

Первым, на кого я наткнулся, был старый Билл Выдроскунс, бессменный гвардейский архивариус на протяжении шести десятилетий. За то время, пока мы не виделись, дедуся

нисколько не изменился. Те же чудовищные очки на носу, тот же чудовищный горб, тот же чудовищный запах изо рта. Ага, и вкус все тот же: дешевая гномья самогонка. Готов спорить, что и делают ее по-прежнему – из картофельной шелухи, поганок и плесени.

Как бы там ни было, я здорово обрадовался старику. Сам же Выдрокунс, увидев меня, растрогался до слез.

– Ей-богу, парень! – восклицал он. – Не ожидал тебя еще раз увидеть! Какими судьбами?!

– Неисповедимы пути сэдовы, старый хрыч, – отвечивал я. – Капитан на месте?

Билл опустил глаза:

– Нету.

– На задании, что ли?

Билл мотнул головой, стараясь на меня не смотреть:

– Совсем нету.

Сердце мое сжалось.

– Погиб?

– Хуже. Уволился.

– Уволился?! Ты что, старый, лишний кувшин опорожнил с утра пораньше?

Мое возмущение было вполне объяснимо: если что и было в Хойре незбылемого, так это глава гвардии. По-моему, мало кто вообще знал его настоящее имя – «Капитан», и все. Капитан с большой буквы «к». Энергичный, неподкупный, чихать хотевший на деньги, почести и звания, не допускавший даже намека на компромисс с совестью и своим кодексом чести. И вот теперь мне говорят, что этот человек *уволился? Бросил свой пост?*

Выдрокунс тяжело вздохнул, кивнул мне на соседний стул и принялся рассказывать.

Все началось с того, что любимой младшей дочке бургомистра Хойры приспичило влюбиться. Счастливый избранник оказался не местным, но с большими связями, как это у нас говорилось, «по обе стороны закона». Через некоторое время сыграли свадьбу, а потом дочка стала наседать на папу с категоричным требованием пристроить обретенного зятя на теплое местечко – в городскую гвардию. С моей точки зрения (да и с точки зрения счастливого тестя, как мне кажется), оное местечко скорее претендовало на звание «горячего», но молодожены настаивали, и бургомистр сдался. У Капитана появился помощник.

Через месяц с небольшим помощник с молодой женой приобрели в центре города трехэтажный особняк, два торговых судна и открыли в банке четырехзначный счет. Еще через три недели Капитан вломился в кабинет к бургомистру, снеся по дороге телохранителя, швырнул в лицо градоначальнику свой значок, завернутый в заявление об отставке, и хлопнул дверью.

– Сеть осведомителей почти полностью уничтожена, – закончил свой невеселый рассказ Билл, – любая мало-мальски обеспеченная мразь выходит сухой из воды, а из старой гвардии не осталось никого – кто уволился сам, кого уволили, а кого и прикончили из-за многочисленных утечек информации. На их место бургомистров зятек – наш новый капитан – набрал такую шваль, что нормальному человеку с ними, прости господи, на одном поле гадить противно. Кое-кого из этих молодчиков ты должен помнить – лично сюда доставлял со связанными руками...

Мы с архивариусом немного помолчали, думая каждый о своем; затем я решительно поднялся и пожал старику руку:

– Бывай, старый! Может, еще свидимся.

– Ты куда сейчас?

– К Капитану. Домой. Кто бы не командовал сейчас гвардией, город и его обитателей лучше него все равно никто не знает.

– Что ж, передавай ему мои наилучшие.

– Непременно...

Билл немного подумал и, кряхтя, поднялся:

– Пожалуй, я тебя провожу. Все равно тут особенно делать нечего.

Мы вышли из здания, и тут старик побледнел и схватился за сердце. В ответ на мой встревоженный взгляд он указал трясущейся рукой на безжизненное тело в гвардейской форме, подпирающее стену. К ногам тела жалобно жался измочаленный донельзя драконозавр с полоторванным ухом. Вот ты ж, я ведь совсем забыл!

– Не обращай внимания, – поспешил успокоить я. – Кости вроде бы целы, нос и губы через неделю заживут, фонарь тоже сойдет, короче – ничего страшного. Вот о его драконозавре такого сказать, к сожалению, не могу – Извергу дурные манеры нравятся еще меньше, чем мне. Как я понял, это та самая «новая смена», о которой ты говорил.

– Уж это ты верно подметил, – кивнул старик, немного восстановив дыхание. – Чтоб ты знал, ты до полусмерти отделал нового капитана гвардии. Не хочется мне это говорить, но когда он очнется, у тебя, парень, будут большие проблемы. Самое лучшее, что ты сейчас можешь сделать – это по быстрому свалить из города на максимально большее расстояние.

– Да ну?

Мы с Извергом переглянулись. Кажется, мой приятель мыслил примерно так же, как и я.

Паскудно ухмыльнувшись, я вытащил из седельной сумки Изверга большой холщовый мешок, натянул на капитана так, что наружу торчали только сапоги, взвалил тело на плечо и спросил у Билла:

– Камера для работы с несговорчивыми мазуриками там же, где была раньше?

Дождавшись утвердительного кивка, я ухмыльнулся еще паскуднее и вновь направился в здание.

К моему несказанному облегчению, Капитан не только не сменил место жительства, но и оказался дома. Мы раздавили бутылочку бренди в память о старых добрых временах, немного поболтали, а потом я перешел к цели своего визита.

– Скажи, если бы тебе сейчас предложили снова занять свой пост, что бы ты ответил?

– Примерно следующее: «А нафига?!» – Капитан поморщился. – Что толку, Сэд? Раз ты был в участке, то представляешь себе, что этот ублюдок сделал с гвардией. Даже если бы произошло чудо, о котором ты говоришь, на то, чтобы восстановить все как было, уйдут годы. Годы, понимаешь?!

– Старик, но ты же сам учил меня: «Не опускай рук, пока дышишь».

– Что-то я не пойму, к чему ты клонишь.

Я шлепнул на стол перед Капитаном четыре мелко исписанных с обеих сторон листка бумаги.

– Вот к этому.

– И что это такое?

– Это... – я принял нарочито скучающий вид, – это так, ерунда. Первые три листа – подробное описание подвигов славного капитана гвардии Хойры, составленные им самим. Правда, за эти подвиги ему светят не награды и премии, а лет двадцать каторги. А четвертый – его прошение к любимому тестю об отставке с сегодняшнего дня по состоянию здоровья. Я великодушно обещал от твоего имени, что бургомистр получит только четвертый листок.

Слова, как говорится, были излишни. Восстановив дыхание после пылких объятий Капитана, я вкратце поведал ему о своем сегодняшнем приключении.

– ...Так что сейчас этот достойный господин сидит в одиночке, связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту. Всем прочим Выдроскунс объяснил, что камера проходит санитарную обработку от насекомых и грызунов. А отравы, которой он там густо-густо посыпал, при вдыхании летально влияет на репродуктивные мужские органы.

Отсмеявшись, Капитан серьезно посмотрел мне в глаза и медленно, почти по слогам, произнес:

– Все что угодно. Если я что-то могу для тебя сделать...

– Можешь. Мне срочно нужна кое-какая информация от Фила Красного Носа. Он по-прежнему чувствует себя обязанным тебе?

– У гномов длинная память. Даже у мерзавцев.

Фил Красный Нос – самый бессовестный и богатый из всех известных мне скупщиков краденого, ростовщиков и ломбардчиков. Говорят даже, что он – самое богатое, беспринципное и бессердечное существо по эту сторону океана. Начинал Фил как фальшивомонетчик и сводник, хотя не чурался и прочих, отнюдь не законных, способов обогащения. За свой долгий гномий век этот кровосос разорил не одну известную семью, стал причиной нескольких самоубийств и четырех локальных войн. Приятный типчик, что и говорить. Прихватить гнома на жареном мечтало уже не одно поколение начальников гвардии и бургомистров и, беря в расчет влияние и долгожительство Фила, еще не одно будет мечтать...

Парадокс, но, хотя Капитан не был исключением, давным-давно он ухитрился спасти бородатому его шкуру. Об этом до сих пор ходят легенды. Двое объединившихся конкурентов решили, что без Фила этот мир будет куда лучше, и дело едва не кончилось уличными боями, но тут вмешался Капитан. Его авторитета хватило не только на то, чтобы прекратить беспорядки, сведя потери с обеих сторон к минимуму, но и примирить врагов. Нельзя сказать, что благодарность Красного Носа была настолько велика, что он бросил свои грязные делишки, но в благодарность он время от времени делился с Капитаном полезной информацией. А именно информации мне сейчас и не хватало.

Дело в том, что я с самого начала не совсем верил (или не совсем хотел верить, так оно будет точнее) в то, что Лейпольдт XIV исчез сам по себе, и искать его нужно непременно в Спящих Дубравах. Обострившиеся отношения с Княжеством и фраза в конце дневника «гномы держат меня за горло» говорили о многом. Не знаю, как Глори, а мне бы чертовски не хотелось тащиться на край земли, а потом обнаружить, что пропавший король сидит себе в подвалах Стоунхолда...

– Красный Нос, вот как... – задумчиво протянул Капитан. – Уж он-то точно будет не в восторге от того, что я вернусь на свой пост. Но в тот раз я его здорово выручил, так что, думаю, проблем не возникнет.

– Мне тоже так кажется. Тем более, что ему совершенно незачем знать до поры до времени о том, что ты вернешься.

– Тоже верно. Итак, что бы ты хотел узнать?

Я коротко изложил Капитану положение дел. Тот присвистнул:

– Дела-а... Но ты прав: хотя правительство Княжества официально отреклось от Фила, он поддерживает со Стоунхолдом самые тесные отношения и должен быть в курсе всех новостей. Если в пропаже короля Гройдейла хоть как-то замешены гномы, завтра с утра ты будешь об этом знать. Куда тебе прислать весточку?

– В «Гордость Хойры».

– Идет.

Тут в дверь громко постучали. Потом еще раз. И еще.

– Странно, – насторожился Капитан. – Сегодня я не жду гостей.

Он быстро сгреб со стола эпистолярное творчество зятя бургомистра и шмыгнул в соседнюю комнату. Стук становился все настойчивей. Вернувшись через пару минут – без бумаг, но с миниатюрным двукрылым арбалетом, – Капитан сделал мне знак «скройся» и пошел к двери. Я шмыгнул за кресло с высокой спинкой с кинжалом наизготовку. Неужели Билл подвел?

– Что вам угодно? – услышал я холодный голос из прихожей.

– Мне нужен Сэд... Сэдрик из Сосновой Долины. И не говорите, что не знаете такого – его драконозавр привязан возле вашего дома...

Ну ничего себе!

Пока я вылезал из-за кресла и бежал в прихожую, оттуда раздалось возмущенное: «Это что такое?!», а потом – ругательства сквозь зубы и звук падения чего-то тяжелого.

– Все нормально, Капитан! – крикнул я, выныривая из-за угла. – Это моя компаньонка.

– Очень... приятно... – простонал тот, скрючившись у стены и зажимая обеими руками пах. – Пусть... отдаст арбалет...

– ... Ну и что я, по-твоему, должна была подумать?! Сначала мне вручают твою записку. Потом у гвардейского управления я вижу драконозавра с настолько изжеванными ушами, что сразу чувствуется работа Изверга. В самом участке мне приходится целый час распинаться перед каким-то ушлым дедком, только чтобы он поверил, что я – это я, а потом пускать в ход все свое женское обаяние, чтобы получить адрес твоего бывшего начальника. Найдя нужный дом, я десять минут сбиваю о дверь кулаки, а мне открывает мужик со взведенным арбалетом в руках!

– Если бы ты не помчалась меня спасать...

– Если бы ты выполнял свои обещания! – девушка помахала перед моим носом запиской.

Ох ты, что-то с памятью моей стало!..

– Какие обещания?

Глори страдальчески вдохнула:

– И после этого они еще будут называть нас ветреными, необязательными и нелогичными! Горе мое, ты хоть раз за целый день на часы глядел?

– Разумеется, нет. У меня часов отродясь не водилось. А что такое?

Словно отвечая на мой вопрос, из переулка перед нами вышел фонарщик с лестницей на плече и принялся за свою повседневную работу.

Глава V

***В которой рассказывается о том, как выигрыш может
оказаться проигрышем, а наша компания растет на глазах.***

Несмотря на то, что я извинился раз пять, Глори все равно дулась на меня всю дорогу до гостиницы. И лишь за ужином, когда я изложил причину своего поведения и извинился в шестой раз, мне было даровано прощение.

Мы весьма сносно выпалились и поутру принялись за работу. Перво-наперво я спустился вниз и забрал у портье письмо Капитана. Эге, надежды мои не оправдались:

«Сэд, дружище!

Жаль тебя разочаровывать, но Фил об исчезновении интересующего тебя лица слыхом не слыхивал. Ни в какие подробности я его, ясное дело, не посвящал, а в конце разговора взял клятву забыть о нем навсегда. Можешь быть спокоен, он скорее откусит себе бороду, чем даст этой информации ход. Всего наилучшего, Капитан.

P.S. Бургомистра чуть удар не хватил. Еще раз спасибо.

P.P.S. Передавай привет своей решительной подружке.»

Ну, нет так нет. По крайней мере, отрицательный результат – тоже результат. Теперь мы могли спокойно готовиться к походу в Спящие Дубравы.

После завтрака Глори решила отправиться в порт, а мне вручила солидную сумму денег и длиннющий список того, на что их надлежало потратить. Путь к треклятому островку, даже по самым скромным прикидкам, обещал быть весьма долгим: сначала кораблем по реке, по территории четырех королевств, потом высадка в Рохете, пересадка на другой корабль, плавание по Внутреннему морю, путь по суше до океана, третий корабль в городе Паррис и, если нам повезет – финальная высадка в Дубравах. И все это в том случае, если девушке улыбнется удача и она сможет зафрахтовать корабль. Нельзя сказать, что путешествие верхами так уж меня пугало, но она заняла бы вдвое больше времени, и была во много раз опаснее... К тому же наземное путешествие предполагало либо крюк длинной в две недели, либо прямую дорогу сквозь Лохолесье, куда я, без особой нужды, соваться не хотел. Но об этом – чуть позже.

Спустившись вниз, мы с Глори, не сговариваясь, взглянули на портье и в один голос спросили друг друга: «Записки писать будем?», а потом расхохотались. Бедняга-портье, похоже, находился на грани нервного срыва. Сдается мне, что в тот день, когда мы, наконец-то уберемся отсюда, он напьется как лепрехун.

Все еще смеясь, мы отправились на конюшню. Само собой, Изверг громким ревом изъясил неудовольствие по поводу отрыва своей морды от яслей с кормом. Мой друг искренне верит, что на свете только одно занятие важнее еды – непрерывная еда. Получив шлепок промеж ушей от меня и укусы вполсилы за кончик хвоста от Лаки, он с видимой неохотой согласился, что работа иногда тоже необходима.

Наше временное пристанище не случайно располагалось совсем рядом с торговыми рядами. По мере того, как таяли монеты в моем мешке, Изверг нагружался весьма объемными кулями и свертками. К его чести сказать, воспринимал он это стоически; впрочем, мой вес все равно превосходил все на него навьюченное, а что до кожевника, которому черный драконозавр еще долго будет являться в кошмарах, так он сам виноват. Зачем было предлагать мне стрекало последней модели?

Наконец, последний пункт списка был вычеркнут. Поскольку денег осталось еще довольно много, а времени – еще больше, мы решили побродить по городу. К тому же, меня совершенно неожиданно одолел приступ ностальгии. Не скажу, что Хойра входит в число моих любимых мест в мире, но в этом городе я провел два года, дважды влюбился, один раз чуть не женился и четыре раза был на волосок от смерти. Воспоминаний, как вы сами понимаете, хватало с лихвой. Так что мы неторопливо шли по мозаичной мостовой Старого города, жевали что-то вкусное, дышали относительно свежим воздухом и всячески предавались душевному отдохновению.

И тут мое внимание привлекло жуткое крещендо, доносившееся из окон верхнего этажа довольно задрипанного постоянного двора. Они тут, в Старом городе, все такие. По мере того, как Хойра разрасталась, все более-менее приличные заведения перемещались ближе к центру, в Новый город. Как следствие, через пару сотен лет кварталы Старого города превратились в обиталище городских низов и всяческих темных личностей. Постоялые дворы здесь тоже были подстать обитателям, и услышанный мною концерт был тут весьма обыденным явлением. Скорее всего, я так и прошел бы мимо, но среди потока цветистых проклятий мне послышалось что-то вроде «Чтоб тебе в Спящих Дубравах жить!» Естественно, после этого Изверг остался внизу охранять покупки, а я, рискуя жизнью, совершил восхождение на второй этаж по самой трухлявой из всех лестниц на моей памяти. Всякий раз, когда разохшееся дерево под ногой трещало и прогибалось, я вспоминал название заведения. Это помогало, честное слово!

Постоялый двор гордо именовался «Джойнова Твердыня».

Толкнув полуоткрытую дверь, из-за которой и слышались вопли, я увидел следующее: огромный мужик из той породы людей, о которой принято говорить «поперек себя шире», наседавший кулаками на высокого и весьма симпатичного блондина лет двадцати. При этом бугай не прекращал орать, так что я без труда понял, что Дубравы поминал он.

– Кхм... эй, милейший! – позвал я.

– ...твою мать! – продолжал мужик, совершенно меня игнорируя.

– Чего не поделили, друзья? – сделал я еще одну попытку завязать разговор. Толстяк повернулся и приказал мне сквозь зубы убираться куда подальше, присовокупив пару далеко не лестных высказываний по поводу моих родителей.

Такое обхождение мне совсем не понравилось, ведь я-то ему ровно ничего не сделал. Слегка стукнув жирного сквернословца в пузо (и тем самым заставив его с выпученными глазами опуститься на ветхий стул), я повернулся к блондину.

– Спасибо. А то от его воплей меня уже поташнивает, – искренне кивнул он.

– Тогда зачем ты их слушал? – удивился я. Для этого крепкого парня справиться с толстяком было раз плюнуть, или я совсем не разбираюсь в людях.

– А куда деваться? – вздохнул тот, поправляя воротник своей выдавшей виды, но тем не менее щегольской куртки. – Видишь ли, я должен этому мешку сала десять роблоров за стол и постой.

У-у, а я-то думал... Обычная история: ты живешь в кредит сколько получится, а потом пытаешься уйти, расплатившись пламенным «спасибо». На моей памяти это удавалось два раза. В первом случае кредитор умер раньше, чем чего-то дождался, во втором – женил на себе должника.

Парень, видимо, истолковал мою кислую улыбку правильно:

– Да нет, все совсем не так, как ты думаешь. Просто вчера в обеденном зале были танцы. Я полночи вальсировал с одной симпатичной девчонкой, а когда собрался идти спать, то обнаружил, что она срезала у меня кошелек, и я остался гол как сокол. Разумеется, девицы к тому моменту и след простыл, причем мне намекнули, что разыскивать ее небезопасно для жизни. А Джойну, как назло, именно сегодня встряло получить от меня все причитающееся до последней медной орлинки. Пришлось расстаться со своим драконозавром, но и этого не хватило

для того, чтобы полностью расплатиться. И теперь жирный скопидом грозит упрятать меня в каталажку, на что, к сожалению, имеет полное право... если только не поможет какая-нибудь добрая душа...

Излагая эту печальную историю, бедолага так вздыхал и заламывал руки, что мог бы жалобить и трехвековую горгулью, которая украшает фонтан на центральной городской площади. Что уж говорить о таком сердобольном и отзывчивом человеке, как ваш покорный слуга? Мне ужасно хотелось ему помочь, благо деньги у меня были. Загвоздка была в другом: во-первых, деньги-то были не мои, а во-вторых, я нутром чуял, что услышанное мной крайне далеко от действительности. Раз уж на то пошло – к чему такая откровенность с совершенно незнакомым человеком? У меня же на лице не написано «Добрая-Фея-Всех-Спасу». Или я ошибаюсь?..

В раздумье я прошелся по маленькой и на редкость грязной комнатухе взад-вперед, наводя панику на многочисленных пауков, тараканов и их родственников и оставляя четкие отпечатки сапог в мягком ковре пыли на полу. Ничего не понимаю! Сколько же толстяк должен затребовать с паренька? Так-так, средний драконозавр... плюс еще десять... да нет, чушь! За эдакие деньжищи можно прикупить всю «Твердыню» вместе с хозяином.

– Ладно, дружок, было приятно поболтать. Хотелось бы тебе помочь, но ты слишком много врешь, а я этого не люблю.

– Я... вру?.. С чего ты взял?.. – запинаясь, пробормотал тот, уставившись себе под ноги. Это окончательно развеяло мои последние сомнения.

– Да кончай ты ломать комедию! Я сам большую часть жизни имею дело с драконозаврами и прекрасно знаю, сколько они стоят. Даже самого ледащего с лихвой хватило бы на оплату куда более шикарного, чем этот клоповник, жилища. И не надо меня убеждать, что ты живешь здесь с прошлогоднего праздника Осеннего Бардака, не поверю. Больше недели в этой комнате не выживет никто, кроме насекомых.

Вздохнув (на этот раз куда более искренне), парень разительно изменился. Нет, рога и клыки у него не выросли, просто я сразу же почувствовал, что «несчастливая жертва ограбления вот с такими ресницами» исчезла. Передо мной стоял совершенно другой человек – ловкий, предприимчивый, к тому же – великолепный актер.

– Ты прав, старина, я действительно тебе насвистел. Яблоко хочешь?

– Что?

– Яблоко. Такая красная круглая штуковина. Растет на дереве и, как мне уверял торговец, слаще сахара.

С этими словами он кинул мне яблоко, а сам плюхнулся с ногами на постель, даже не сняв сапог, и звучно надкусил второе. Я, немного подумав, последовал его примеру.

Торговец его надул.

– На самом деле я – игрок, – жестикулируя искусанным фруктом и не переставая жевать, заявил парень. – Профессионал, прошу заметить, а не любитель. В совершенстве знаю сотню игр, сносно разбираюсь еще в двух с половиной.

По-моему, он загибает. Столько игр и на свете-то нету.

– Так вот, неделю назад я приехал в Хойру практически без гроша в кармане и в тот же вечер раздел сынка одного местного толстосума до носков включительно. Парень нализался в зюю и швырял золото направо и налево вот такими горстями. К тому же, как оказалось, во хмелю в нем всегда просыпается дикий азарт. Кто я такой, подумал я, чтобы мешать человеку расслабиться? Надо сказать, за карточным столом он расставался с деньгами так же лихо, что и у стойки бара, так что тут проблем не возникло. Проблемы возникли чуть позже. Как говорилось в том стишке, «крошка-сын к отцу пришел». Нет, не жаловаться, а просить еще денег. Отец, само собой, поинтересовался, как чадушко ухитрилось спустить за вечер дневную выручку средней ювелирной лавки. Следствием разговора поколений стал визит к твоему

покорному слуге двух горилл средних размеров с омерзительным запахом изо рта и целой коллекцией орудий живодера.

Я понимающе кивнул. Хойра – город богатый, а, следовательно, беспокойный, посему костоломы, телохранители и наемные убийцы тут всегда процветали.

Парень догрыз свое яблоко, задумчиво подкинул его бранные останки на руке и вдруг с боевым кличем перепившего варвара залепил куда-то в угол.

– Мышь, – чрезвычайно довольный собой, пояснил он мне. – Убить я ее, конечно, не убил, но уж напугал до полусмерти. Кстати, меня зовут Бон Геймс.

Я представился, и мы пожали друг другу руки.

– Между прочем, а куда делся Джойн?

Я оглянулся. Стул у двери пустовал.

– Наверное, очухался и помчался за стражей, – фыркнул Бон. – В следующий раз, Сэд, бей таких по голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.